

18+

Елена Федина

МАЛЫЙ ЛЕВ. ПРЕДДВЕРИЕ. II

Елена Федина
Малый лев. Преддверие II
Серия «Малый лев», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74464126

*Елена Федина «Малый лев. Преддверие. II»: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2026
ISBN 978-5-6056384-6-9*

Аннотация

Цикл про золотых львов из созвездия Малый Лев предваряют отдельные истории, случившиеся на Земле, где ещё остались потомки вымершей расы белых тигров. В этой книге представлены две женские судьбы, два откровенных рассказа о преображении двух таких разных женщин.

Скромная, незаметная девушка находит в себе силы противостоять жестокой реальности, помочь недостижаемому для неё возлюбленному и своей стране, вернуть то, что было у неё отнято, и даже простить своих врагов.

Вторая героиня – безжалостная столетняя старуха, хранительница ценностей древнего замка. Её настигает и преобразует неожиданная любовь к легкомысленному юноше, который не так прост, как кажется. Им есть чем удивить друг друга, но интересы их неумолимо сталкиваются возле запретной двери бывшей библиотеки. А что за этой дверью, не знает никто.

Содержание

Королева воскресла!

5

Конец ознакомительного фрагмента.

117

Елена Федина

Малый лев. Преддверие. II

Продюсер проекта Елена Наливина.

© Елена Федина, 2026

© Интернациональный Союз писателей, 2026

*** * ***

Королева воскресла!

Королева умерла. И я была единственной, кто её искренне оплакивал. Её несчастное тело ещё не было перенесено в фамильный склеп на кладбище, а весь двор уже веселился. Фрейлины вплетали пёстрые ленты в пышные причёски и украшали чёрные платья бантами и булавками, музыканты играли вместо реквиема что-то чуть ли не плясовое, а сам наследный принц со своей свитой стрелял во дворе из арбалета по пустым бутылкам, выставленным в ряд на заборе. Звон разбитого стекла раздражал меня даже больше, чем весёлая музыка.

Я тихо сидела возле гроба. Лицо у королевы было бледное и измученное, губы искусаны, брови страдальчески надломлены, она и представить не могла, что её смерть всех только обрадует!

Старый карлик Корби зашёл в траурную залу, осторожно прикрыл за собой дверь и, убедившись, что, кроме меня, здесь никого нет, тихо сказал:

– Уходи, Жанет.

– Почему? – спросила я равнодушно.

– Беги отсюда подальше, если хочешь остаться в живых.

Он был очень серьёзен, этот вечно весёлый, забавный человечек. Я кормила его манной кашей и протёртой морковью, потому что у него болел желудок; я готовила только для

больной королевы, но и его мне было жаль. Наверное, за это он меня и любил.

– Господи! – вздохнула я. – Кому до меня есть дело? Можно подумать, что я знаю какую-то страшную тайну! Я слишком ничтожна, Корби, чего же мне опасаться?

– Тебе лучше знать, Жанет, за что тебя ненавидят.

– Кто?!

Он молча отошёл и спрятался за ночной шторой. Только потом я услышала шаги. Вошло сразу человек десять: старый герцог Тиманский со своими детьми и племянниками – самое знатное семейство в Лесовии после королевского, да и самое могучее, пожалуй. Вошли они бесцеремонно и шумно, траур их был весьма символичен, костюмы больше напоминали дорожные, чем похоронные.

Прибыли! Все разом: кто прямо из Тимана, кто из своих более близких владений. Вошли как хозяева, а наследный принц в это время стрелял по бутылкам. В раскрытые окна врывался звон осколков и пьяный хохот. Бог покинул этот замок, и, похоже, навсегда!

Я встала и почтительно согнулась в поклоне, но меня никто и не заметил. Они окружили гроб.

– Мертва, – заключил старый герцог, как будто у него были причины в этом сомневаться.

– Царствие ей небесное! – как-то на удивление скорбно сказала его дочь Юлиана Тиманская и надолго склонилась над гробом.

Я привыкла думать, что в этой девушке нет ничего человеческого, только безумная красота и надменность. Но что-то дрогнуло в её душе, когда она увидела тело моей несчастной королевы. Все её братья и кузены терпеливо молча ждали, когда ей это надоест.

Я жадно, с восхищением и тоской вглядывалась в неё, как голодный оборванец смотрит на кусок праздничного пирога. Я слишком редко её видела, да и то мельком, из-за портьеры или в щёлку двери; я была любопытна, как все служанки, и так же, как все, не могла на неё насмотреться.

Юлиана выпрямилась.

– Убить бы этих церемониймейстеров, – презрительно усмехнулась она. – Что за платье они на неё надели! И какой кретин её причёсывал?

Замечание было настолько неожиданным и странным, что все удивлённо повернулись к ней. Юлиана указала рукой на гроб.

– Она была самой красивой женщиной в Лесовии. Она никогда бы не позволила надеть на себя такое мерзкое платье. Впрочем... всё равно она прекрасна, разве нет?

Они всегда были соперницами: уже немолодая, отцветающая королева Мария-Виктория и она, прекрасная дочь герцога Тиманского. Теперь у неё не было больше соперницы, и она решила проявить великодушие.

– Самой красивой женщиной Лесовии, да и не только Лесовии, всегда была ты, – хмуро сказал её кузен Якоб, и она

взглянула на него после этих слов так, как будто возненавидела на всю жизнь.

– Отец! – повернулась она к старому герцогу. – Её надо похоронить как полагается. Скажи этому... О господи, ну и семейка! Какой кошмар!

Она имела в виду, конечно, принца Антуана. Она была в тихом гневе. Я осторожно пятилась, но очередь дошла и до меня.

– А ты что тут делаешь? – спросила герцогиня грозно.

– Просто сижу, госпожа.

– Как ты смеешь тут находиться одна?! Твоё место на кухне!

– Моё место возле королевы.

– Что?! Ты ещё и споришь?! Убирайся во флигель для прислуги, и чтобы духу твоего во дворце не было!

Колени мои подогнулись. Я выскочила из траурной залы, как из горящего сарая.

На кухне, среди знакомых котлов и сковородок, я немного успокоилась. Было шумно,людно и дымно: готовились грандиозные поминки. Ступить было некуда: даже в моём маленьком закутке, где я варила каши; поварята, усевшись на столе, взбивали крем.

Моя подруга Лили, вся мокрая от пота и пара, разделявала большую рыбину. Она вытерла лоб рукавом и посмотрела на меня с завистью: я не подчинялась главному повару, я подчинялась только моей королеве и могла теперь слоняться

по дворцу, всеми забытая и никому не нужная.

Сняв с табуретки кастрюлю с очищенной свёклой, я села рядом с подругой. Мне казалось, что я устала больше, чем она, будто на мне весь день возили воду.

– Тиманские приехали...

– Да? И герцогиня Юлиана?

– Ага...

– Хоть бы одним глазком на неё посмотреть!

– Она в чёрном платье. Зашнурована до самого подбородка. Волосы бронзовые, вот такими локонами...

– А глаза?

– Злые!

– Ты что? Не может быть. Говорят, она такая добрая!

– Это королева была добрая. Она одна. Больше таких не будет.

Лили отложила рыбину и наклонилась ко мне:

– Побойся Бога, Жанет! Ты живёшь как во сне и ничего не видишь! Да тебе каждая собака скажет, что такой жестокой и развратной бабы, как твоя королева, во всём мире не сыскать!.. Царствие ей небесное... Ну что ты так смотришь? Спроси любого. А то, что с тобой она была ласкова, так, наверное, были причины.

– Какие причины, ты о чём?

Лили не ответила и снова взялась за рыбу.

– Конечно! – продолжала она ворчливо, как торговка на площади. – Поняла, что жить осталось недолго, так про Бо-

га вспомнила! В церковь зачастила! Ходит глазки потупив! Просто ангел во плоти... Но Бог эту стерву всё равно не простит!

– Лили!

– Да вот хоть розы! Скажи, какого дьявола она приказала выкорчевать все розы? Посмотри, что стало с парком! Да что там с парком! Посмотри, что стало с Лесовией! Ну да ничего, новый король наведёт в стране порядок.

– Ты так говоришь, Лили, потому что королева умерла, – сказала я с отчаянием, – а принц Антуан жив. Хотя всем понятно, что никакого порядка этот балбес не наведёт. Мёртвых хулить неопасно, они не воскреснут!

– Замолчи, – почти шёпотом проговорила Лили, – замолчи, Жанет. Все знают, что ты блаженная, но даже тебе такие вещи говорить не стоит. И вообще, лучше бы тебе отсюда убраться подальше.

– Почему? – насторожилась я. Второй раз сегодня меня предупреждали об одном и том же.

– Ты меня спрашиваешь? – искренне удивилась Лили.

– А кого мне ещё спрашивать?

– Тогда, голубушка, сначала ответь: за что тебя так любила королева?

– Она меня не любила, она просто пожалела меня.

– Кто? Мария-Виктория? Пожалела? – Лили выразительно усмехнулась; она не допускала даже мысли, что королева могла кого-то пожалеть, – она ни за что бы мне не поверила.

– Да, она была очень одинока и несчастна, – сказала я, понимая всю безнадёжность этих слов: никто, решительно никто не любил мою несчастную королеву, – она была одинока... и я тоже.

– И что?

– И ничего. Я готовила ей диетические блюда, сама пробовала, чтобы не отравили, убирала в её кабинете и в спальне. Она со мной почти не разговаривала. Я была для неё никто, просто служанка.

– И поэтому она приставила к тебе охрану и велела не спускать с тебя глаз?

– Какую охрану?! Да за мной сроду никто не следил!

– Жанет, наивная ты наша! Об этом знают все, кроме тебя.

– Она боялась, что я убегу?

– Она боялась, что тебя убьют.

– Бред какой-то, – пролепетала я.

– Послушай, – Лили наклонилась к самому моему уху, – я, конечно, мало что понимаю в ваших делах, но одно мне совершенно ясно: защищать тебя больше никому.

Всё перемешалось у меня в голове. Мой маленький личный опыт совершенно не соответствовал тому, что говорили все вокруг. До этого дня я твёрдо знала, что королева красива и добра, герцогиня Юлиана жестока и своенравна, а я, кухарка Жанет, дочь прачки, настолько ничтожна, что меня даже стражники на дворцовых воротах не замечают, если я выношу своей младшей сестре корзину с едой. Когда я в пер-

вый раз мимо них прошмыгнула, они даже голов не подняли и продолжали играть в кости, я удивилась, обрадовалась и приписала это своему ничтожеству: такая я маленькая, незаметная, некрасивая, что на меня даже смотреть не хочется! А у них... а у них просто был приказ?!

– Послушай, Лили, но я ведь абсолютно ни в чём не замешана!

– А ты подумай хорошенько.

Думать я ни о чём уже не могла, голова моя была сжата тисками, сердце стучало глухо и болезненно, хотелось взять его рукой и унять. Я чувствовала себя беспомощной и глубоко несчастной, мне было тревожно и даже страшно и хотелось уткнуться лицом в колени доброму святому Робину и разрыдаться.

– Хочешь морковку? – спросила Лили, вытирая руки фартуком.

Я замотала головой и молча поплелась к выходу. В окна галереи, по которой я уныло брела, долетал звон разбитого стекла, и мне казалось, что он будет преследовать меня всю жизнь. Хотелось зажать руками уши и бежать, бежать, бежать! Но, наверное, чтобы испытать чашу страданий до конца, я подошла к перилам и посмотрела во двор.

Щека моя вжалась в шершавую каменную опору, колени подогнулись, а из груди вырвался стон облегчения: приехал Зарих! Прекрасный, весёлый, добрый Зарих! Никогда не унывающий Зарих!

– Приехал, приехал... – повторяла я с надеждой, как будто его приезд мог что-то исправить.

Он бодро сидел на своём сером коне, ветер трепал его русые кудри, а дорожная шапка с торчащей из неё стрелой лежала чуть поодаль на траве. Её сбил, очевидно, принц Антуан, который теперь стоял подбоченьясь и довольно хохотал. К таким его шуткам все уже привыкли. Кроме меня.

Зарих на эту наглость не ответил, как, впрочем, не ответил бы никто, разве что герцог Тиманский; он спрыгнул с коня и пошёл своей дорогой. Я знала куда. В траурную залу.

Когда я заглянула в приоткрытую дверь, он стоял над гробом матери, непривычно ссутулившись, и подавленно молчал.

Я осмелилась войти.

– А, поварёшка... – сказал он, даже не поворачиваясь.

Колени мои снова подогнулись. Зарих усмехнулся.

– Весело у вас тут!

– Вы же знаете принца...

– Тиманские здесь?

– Только что приехали.

Голос мой дрожал. Я слишком долго, целый месяц, его не видела, чтобы не трепетать как осиновый листочек от мучительного счастья видеть его и говорить с ним. Я не стояла его подмётки!

Я была несчастней всех несчастных, потому что не могла бы ему послужить даже в качестве забавы – такое иногда

случалось с бедными служанками. Я была обречена, стиснув зубы, провожать его взглядом и по ночам кусать от обиды подушку! Потому что я была некрасива! Некрасива! Я была не-кра-си-ва! Маленький, рыжий, пучеглазый лягушонок с кривыми ножками, сутулой спиной, рахитично вздутым животом и большими оттопыренными ушами, которые не могла скрыть ни одна причёска! О господи, как я ненавидела свои уши!

– Воды.

– Что?

– Воды принеси.

Я метнулась к графину на столе, от волнения наступила на собственный подол, упала на пол, нелепо размахивая руками, а подняться уже не смогла – я просто разревелась от презрения к себе, от собственного бессилия и всех тех ужасов, которые пережила за последние три дня.

* * *

Королева умирала долго и мучительно, последние дни она почти не приходила в сознание, а когда приходила, всё равно продолжала бредить наяву. То она, как маленький ребёнок, повторяла: «Не хочу, не хочу...», то кусала губы, то молча плакала. Уже незадолго до смерти, когда я поправляла ей подушки, она взяла меня за руку и заставила сесть рядом с собой на кровать. Её красивое лицо было ужасно бледным, гу-

бы посинели, глаза ввалились и потухли, как предрассветные звёзды, но всё равно она была красивой, всё равно!

– Ты прости меня... слышишь?

– За что, ваше величество?

– Ты же знаешь, я не хотела...

Она меня с кем-то путала. Я беспомощно оглянулась на придворного лекаря, господина Ромьо, который дежурил у её постели неотлучно; он только развёл руками: ничего уже нельзя было поделать.

– Я не хотела...

Мария-Виктория вцепилась в обе мои руки коченеющими пальцами.

– Я знаю, она отравила меня!

– Кто, ваше величество?!

– Королева.

Мы с придворным лекарем опять недоуменно переглянулись.

– Бред, – заключил он.

Тогда она посмотрела на нас и засмеялась. Из последних сил. Смех был похож на рыдания. И мне в первый раз стало жутко.

– Непостижимая женщина, – сказал господин Ромьо, когда королева снова потеряла сознание, – никогда не знаешь, чего от неё ждать... даже после смерти.

После смерти она лежала тихая, жутковато-красивая, никому не нужная, всеми презираемая... Только Зарих скорб-

но стоял над ней, да я бессильно рыдала на сияющем паркетном полу, и не столько от жалости к ней, сколько к себе самой.

Зарих постоял какое-то время в раздумьях, потом опустился рядом со мной на корточки, взял меня за руки, а я, вздрагивая и всхлипывая, старалась отвернуться и спрятать от него своё мокрое, красное, вконец обезображенное слезами лицо.

– Что случилось, Жанет?

Я только заскулила, словно побитая собака. Нос мой неожиданно уткнулся в душистый батистовый платок, и я зарылась в него лицом, как в полотенце.

– Кто тебя обидел? О боже! Ты, видно, собралась пол слезами вымыть! Так кто тебя обидел?

Я только мотала головой.

– Ты... ты что-нибудь знаешь? Что тут случилось, пока меня не было?

– Нет, нет, я ничего не знаю. Почему-то все считают, что я должна что-то знать! А мне просто страшно! Потому что я ничего не понимаю!

– И много тут... непонятного?

Зарих посмотрел на меня так серьёзно, что все мои слёзы вмиг просохли, и я даже забыла, что надо прятать своё безобразное лицо, которое наверняка пошло пятнами и распухло. Я смотрела на него как заговорённая и моргала.

Мне показалось, я что-то поняла, и я чуть было не расска-

зала Зариху про предсмертный бред королевы, но нам помешал возмущённый женский вопль. В дверях стояла Юлиана Тиманская. Одна. В гневе.

– Что я вижу! – почти выкрикнула она. – Эта дрянь ещё здесь, и ты утираешь ей сопли?!

– Не кричи, – сказал Зарих, поднимаясь, – ты здесь пока ещё не хозяйка.

– Ах вот как... – Она сжала маленькие ухоженные руки в кулачки, губы её задрожали, глаза сощурились, но возражать она не стала. – Лучше бы ты унял своего братца!

– Уйму.

– Надеюсь, тебе уже сообщили, что похороны завтра утром?

– Не успели. Я счастлив услышать это именно от тебя.

Чего только попусту не болтают во дворце! Мне рассказывали, что когда-то Юлиана Тиманская жила при дворе и собиралась выйти замуж за наследника престола, принца Антуана, – то есть была без пяти минут королевой, – и Мария-Виктория относилась к ней весьма благосклонно. Потом якобы у неё случился роман с Зарихом, а королева узнала об этом, пришла в ярость и выпроводила Юлиану обратно в Тиман. И какая была ей, собственно, разница, за которого сына её выдавать: за старшего или за младшего?

Я мало верила в эту историю, особенно сейчас, когда увидела и услышала, как они разговаривают. Никому бы и в голову не пришло, что эти люди любят друг друга или когда-то

любили. Скорее, они друг друга ненавидели!

– Где ты был целый месяц?

– В Алонсе.

– Зачем?

– Тебе это так интересно?

– Кого ты искал там?!

– Ах вот так даже? Хорошо, я скажу. Я искал Алигьери.

– Ты опоздал.

– Я знаю.

– Ты успел только на похороны!

Зарих подошёл к ней совсем близко, медленно взял её рукой за лебединую шейку, то ли лаская, то ли желая задушить. Она почему-то не вырывалась, а, наоборот, вся обмякла и зажмурилась. Я прозрела! Я поняла, что она безумно любит его, жадно, зло, по-звериному! И он это прекрасно знает.

Он ставил её на колени. Медленно и напряжённо. Она опускалась, как во сне, не открывая глаз.

– Вот так, – сказал он мрачно.

– Ты сам виноват во всём, – проговорила Юлиана.

Я догадалась, что она сделала Зариху какую-то подлость назло или в отместку, но сейчас мне её было даже жалко! Так преданно она перед ним согнулась, так покорно сгорбились её плечи и так роскошно лежали на этих плечах пышные бронзовые волосы, что хотелось поднять её, встряхнуть, обнять и всё простить. Я вдруг перестала её бояться! Эта надменная герцогиня и не подозревала, что мы с ней подру-

ги по несчастью!

Зарих стоял молча. Потом она ушла. Стремительно встала и стремительно вышла. Чёрное платье так красиво облегалo её хрупкую, стройную фигуру, волосы развевались и сверкали, как языки пламени. Прекрасная, точёная, ненаглядная! С бархатной кожей и нежно-голубыми глазами, с руками, гибкими, как стебли, и ногтями, похожими на лепестки цветка.

Как я любила смотреть на неё в щёлку приоткрытой двери, когда она навевалась к королеве! Да и не только я. Все горничные прилипали к дверям, толкая друг друга, пока нас не разгонял кто-нибудь из стражников. Потом целую неделю обсуждали, какое было на ней платье, какое кольцо и серьги. Я бы на месте Зариха влюбилась в неё без памяти!

– Ты успокоилась? – Он повернулся ко мне, лицо было непривычно суровое, но голос мягкий.

Я всё ещё сидела на паркете с носовым платком в руке.

– Да, спасибо.

– Эх ты, лягушонок!

Я встала, протягивая ему платок, он не взял.

– Ваше высочество, можно я вам что-то скажу?

– Да ради бога, – усмехнулся Зарих.

– Их две, – прошептала я.

– Кого две? – он сдвинул брови.

– Королевы, – сказала я ещё тише.

– Что за бред, лягушонок? Ты хочешь сказать, что у меня две матери?

– Я не знаю, но понимаете...

– Вот что! – Зарих взял меня за плечи и улыбнулся. – Зайди ко мне через час – и всё расскажешь. Я велю, чтобы тебя пропустили. Через час, не раньше. Я ещё не умывался с дороги, да и братца надо успокоить.

– Ваше высочество...

– Ну что?

– Кто такой Алигьери?

Он щёлкнул меня по носу – не больно и вполне заслуженно. Я просто обнаглела, но уж слишком знакомым показалось мне это имя. Оно было связано с какой-то тоской и страхом, но большего я припомнить не могла.

– Много будешь знать...

Я густо покраснела и поспешно выскочила из зала.

Из окна я видела, как Зарих подошёл к принцу Антуану, что-то шепнул, положил ему руку на плечо и увёл с собой. Вслед за ними поплелась и вся пьяная свита. И сразу стало тихо! Так быстро, так просто! Господи, как хорошо, что он приехал!

* * *

– Эта тропа в приют святого Робина?

– Да.

– А где же мост?

– Моста нет, только брод.

Он стоял по ту сторону ручья, у него были серый конь, серый пыльный плащ и мокрая от пота белая рубашка. Это было год назад, тем самым жарким, просто звенящим от зноя летом. Я ещё удивилась, что этот одинокий путник почти не вооружён в такие беспокойные времена: только лёгкий меч и кинжал за поясом. Он не показался мне тогда особенно красивым, понравилась только его открытая улыбка – так улыбаться мог только молодой, счастливый и, в общем-то, беззаботный человек. Но я ошиблась: забота у него была.

– А где брод?

– Идите, не бойтесь. Здесь по колено.

Он умудрился провалиться по пояс. Я в ужасе сжала руками простыню, которую полоскала, но он только рассмеялся. Потом сел выливать воду из сапог.

– Далеко же запрятался святой Робин!

– Да, сюда довольно трудно добраться.

– Ты сама из приюта?

– Я тут прачка.

– Проводишь меня?

– Хорошо. А зачем вам в приют?

– Ах ты, какая любопытная!

– Я спросила потому, что вы не похожи ни на больного, ни на убитого горем. Святой Робин таких не принимает.

– А он мне и не нужен.

– А кто же?

– Одна дама. Очень красивая и очень знатная.

– Да, к нам вчера приехала такая дама.

– И что она делает?

– Беседует со святым Робинот. Она сильно подавлена, наверное, у неё какое-то несчастье.

– А о чём они беседуют?

– Не знаю, я же не подслушивала.

– Да? А мне показалось, что ты любопытна.

Он улыбулся, а я покраснела.

– Не дуися, – сказал он. – Как тебя зовут?

– Жанет.

Я так и не узнала, что говорю с принцем Лесовии, он не счёл нужным представиться, а сама бы я ни за что не догадалась. Мы сидели на песке, там, в горах, в лесу, у ручья, и только плеск воды и крики птиц нарушали звенящую вековую тишину. Другого мира не было, только этот: жара, медовая трава, огромные деревья и высокое безоблачное небо.

Я жила тут уже целый месяц, и мне уже было хорошо и спокойно, не болело сердце и не терзала безысходность. Правда, память так и не вернулась ко мне, но это меня больше не мучило. Зачем мне помнить мою прошлую бестолковую жизнь? В ней не было ничего интересного: ни любви, ни счастья, ничего, кроме корыта!

Маленькая некрасивая прачка с утра до вечера стирала чужое бельё, замуж её никто не брал, отец её бил, а мать дёргала за косы. Сёстры над ней посмеивались, соседи шептались, что она блаженная. Ещё, говорят, она была влюблена

в одного птицелова с соседней улицы, и говорят, что он однажды выставил её за дверь. А потом её нашли в реке под мостом, была зима... Когда я пришла в себя, меня уже принесли домой. Я провалялась в жару несколько дней и только потом поняла, что ничего не помню. Лекарь сказал, что меня сильно ударили по голове.

Тропинка поднималась в гору. Принц взял у меня корзину с бельём и донёс до самых ворот. Я шла как во сне! Я летела как на крыльях! Я не смотрела под ноги, и в них впивались камни и сосновые шишки. Как мало мне было нужно для счастья!

– Держи, – сказал он у бревенчатого забора, привязывая коня. – Дальше я, пожалуй, не пойду. Ты позови мне эту даму, я буду ждать вон у той сосны.

– А как ей объяснить? Кто её ждёт?

– Зарих.

Зарих в Лесовии был один. От изумления я глупо заморгала, у меня часто-часто забилося сердце.

– Ты что задрожала? – засмеялся он. – Я же не наследный принц, а так...

– Я сейчас... я позову... я мигом!

И уже подбегая к домику, где остановилась эта дама, я с ужасом подумала: «А кто же тогда она?!»

В приюте все были равны, таков был закон святого Робина. Мы все были братья и сёстры. Мы ели простую пищу, носили холщовую одежду, ходили босиком до самой поздней

осени. Мы всеми силами старались забыть, кто мы и что с нами случилось там, в миру.

Дама, которая прибыла к нам вчера в роскошном тёмно-красном платье, в жемчужной шапочке с вуалью и парчовых туфельках, сидела теперь в горнице за столом в белой холщовой рубаше, подпоясанной простой верёвкой, босая, бледная, какая-то обречённая, и гладила кошку. Её иссиня-чёрные волосы были распущены и распадались от середины высокого лба на два вороновых крыла. Глаза были то ли серые, то ли синие, огромные и впалые. Тоскливые глаза.

– Сестра моя, – позвала я тихо, словно боясь спугнуть её глубокую печаль.

Она медленно повернула красивую голову и вздрогнула. Взгляд у неё стал безумный, губы задрожали, и я ещё раз убедилась, что святой Робин нормальных, здоровых людей не принимает. Да здоровый человек сюда и не поедет! Женщина явно была больна, и говорить с ней следовало осторожно.

– Не бойтесь, – сказала я, – меня зовут Жанет, я прачка. Здесь вам вообще нечего бояться. Здесь хорошо. Тихо. Спокойно...

– Жанет, – повторила она, – подойди сюда, Жанет.

Я подошла.

– Ты искала меня? Зачем? – в голосе её была тревога.

– Я должна передать, что вас за воротами ждёт Зарих.

– Зарих?!

– Да, сестра моя.

– Ты его видела? Ты говорила с ним?!

– Конечно. Он ждёт вас у сосны.

Я сказала это, и в первый раз сердце моё предательски дрогнуло. Женщина была невероятно красива. Он приехал из-за неё на край света! Он её ждёт!

– А святой Робин не знает?

– Нет, принц остался за воротами.

– А... какой он? В каком настроении?

– Весёлый, улыбается.

Она встала и оказалась очень высокой. Я едва доставала ей до плеча.

– Проводи меня, девочка.

Они говорили долго-долго и, наверное, спустились к ручью, потому что их не было видно ни у забора, ни у сосны. Потом она вернулась вся бледная, дрожащая и сразу направилась к святому Робину. Я выбежала за ворота. Неужели он уехал?!

– Эй, прачка!

Он сидел на бревне, устало вытянув ноги, и усмехался. Наверное, посмеивался надо мной.

– Ты не меня ищешь?

– Вас... – Я покраснела.

– Как там моя матушка? Не надумала возвращаться?

– Она... она, наверное, советуется со святым Робинком.

– Если он ей что-нибудь не то насоветует, я разнесу вашу богадельню к чёртовой матери.

– Нельзя этого делать, ваше высочество, – проговорила я с отчаянием, – это святое место!

Он засмеялся, но как-то невесело, и огляделся по сторонам.

– Да! Место красивое!.. У вас коровы есть?

– Что?

– Коровы.

– Есть, ваше высочество. Три.

– Ну, тогда принеси молока. И хлеба.

* * *

Моя комната находилась рядом с покоем королевы. С того самого дня, как она увидела меня в приюте святого Робина, мы больше не расставались. Перед отъездом она позвала меня к себе, расспросила о моей болезни, посочувствовала мне и предложила поехать с ней в Трир. Она была добра, так же добра, как её младший сын, и сколько бы мне ни говорили, я никогда не поверю, что она могла быть жестокой, казнить без разбора и издеваться над людьми!

Комната была маленькая, наверное, в ней раньше была кладовка. Там умещались только моя кровать и узкий шкаф. Возле кровати стоял маленький столик.

На столе я обнаружила огромный букет роз. Это было совершенно невозможно! Во-первых, во дворце уже год как не было ни одной розы, а во-вторых, я даже представить себе не

могла человека, который захотел бы подарить мне цветы. Да, это было приятно! Это было роскошно! И пахли они изумительно, но такого быть просто не могло.

Я обняла цветы и прижала к груди. Мои розы! Красные и белые! А почему бы и нет? Почему бы и мне не получить хоть раз вот такой букет? Или я не женщина? Да, некрасивая, убогая, никому не нужная, ну и что? Будем считать, что это чудо!

Зеркало на шкафу было с трещиной, я долго смотрелась в него, стараясь найти в своём лице хоть что-то привлекательное, хоть что-то, достойное такого роскошного букета, но на меня по-прежнему смотрел жалкий пучеглазый лягушонок.

– Эх ты, уродина, – усмехнулась я, повернулась к столу и закричала от ужаса: мои розы превратились в чёрный ссохшийся веник.

Они завяли прямо на глазах, мгновенно, жутко, как будто их отравило чьё-то зловонное дыхание!

Я выскочила из комнаты и опрометью бросилась по коридору, сама не зная куда. Волею судьбы я чуть не сбила с ног Якоба Тиманского (хорошо, что не самого принца Антуана!). Этот белокурый гигант, которым я всегда любовалась и была полна к нему всяческих симпатий, поднял меня за шиворот, как котёнка, и брезгливо спросил:

– Ну? В чём дело?

Я болтала в воздухе ногами, воротник впивался в шею. Унижение было сильнее ужаса! Я сразу опомнилась.

– Пустите, ваша светлость! У меня завяли розы!

– Что? У тебя, маленькая дрянь, завяли розы?

Я завыла от унижения и от безысходности. Я отчётливо поняла, что теперь каждый в этом дворце может издеваться надо мной как хочет. Где ты, моя добрая королева?!

– Пу-усти-ите!

– Тьфу! – сказал Якоб и отшвырнул меня в другой конец коридора. – Только ещё попадись мне под ноги! – и больше не обернулся.

Его шаги смолкли. Я опомнилась. Я окаменела. С меня на сегодня было достаточно.

Дверь своей комнаты я открыла зло. Без страха. Цветы совсем почернели. Я выбросила их в окно. Пусть тот, кто принёс, подавится ими! А я не боюсь. Меня не запугаешь какими-то дохлыми розами! И не нужны они мне! Зачем лягушке розы?

Уже потом, остыв и немного успокоившись, я поняла, что это было предупреждение. Меня выгоняли из дворца, теперь в этом не было сомнений. А если это так... значит, я действительно что-то знаю. Или кто-то думает, что я знаю. Обидно, что я ничего не помню! Зима, удар по голове, ледяная вода, холод, боль, кошмар... Но неужели я, маленькая прачка Жанет, умудрилась в той прошлой своей жизни попасть в историю, в которой замешана сама королева?!

Надо расспросить мать и сестёр. Хотя если б они что-то знали, давно бы проболтались!

Начало смеркаться. Я поправила волосы, пристегнула к платью свежий воротник и решительно отправилась на половину принца.

Зарих расхаживал по гостиной в рубашке навыпуск и домашних туфлях с загнутыми носами. Он читал письма, целая куча которых лежала на диване и которые скопились, наверное, за целый месяц его отсутствия. Меня он сразу и не заметил.

Я застыла в дверях, таких огромных, что любой бы на их фоне почувствовал себя букашкой, и старалась справиться с волнением.

Через минуту принц бросил лист, который читал, на пол и повернулся ко мне.

– Пришла? Ну говори, я слушаю.

Трепетать и бояться мне надоело, ох как надоело!

– Можно мне сесть? – спросила я.

Зарих удивлённо поднял брови.

– Действительно, – усмехнулся он, – почему бы тебе не сесть? – и артистично указал рукой на огромное красное кресло. – Прошу!

Я села на самый краешек, потому что если бы я села глубже, мои ноги не доставали бы до пола. Рядом на столе стояли подносы со всякой снедью; особенно вкусно пах пирог с грибами и луком.

– Угощайся.

– Спасибо, я сыта.

– Тогда рассказывай.

Он сел напротив и устало откинулся на спинку кресла.

– Ваше высочество, – начала я решительно, – я не считаю себя сумасшедшей...

– Чёрт возьми!

– Прошу вас, не смейтесь!

– Я слушаю, слушаю...

Только сильная тревога не давала ему рассмеяться надо мной до слёз. Я была нелепа, и заявление моё было нелепо, но по-другому я сказать просто не могла.

– Ваше высочество! То, что я знаю о королеве, и то, что о ней говорят все остальные, – это вещи несовместимые.

– Ты не знала её раньше.

– Да. Но в любом случае человек не может так изменить-ся! Одно дело, когда человек просто раскаялся в своих грехах и замаливает их, и другое – когда он превращается в свою противоположность. И если бы она только раскаивалась! Я могу вам сказать, ваше высочество: она всё время чего-то боялась. Не странно ли? Разве можно было запугать вашу властную матушку? Она вздрагивала от шагов за спиной, она плакала по ночам, я слышала! Она позволяла на себя кричать, это я тоже слышала. А глаза? Вспомните, какие были у неё глаза!

– Ты хочешь сказать...

– Что та, подбравшая меня в приюте святого Робина, – совсем другая женщина. Или я в самом деле сумасшедшая.

– А где же, по-твоему, настоящая королева?

– Этого я не знаю. Но вот что она сказала перед смертью: «Королева меня отравила». Понимаете? Королева отравила! Не могла же она так сказать о самой себе?

– Ты одна это слышала?

– Нет. Ещё господин Ромьо, но он считает, что это предсмертный бред.

– Конечно, бред.

– Ваше высочество, вы мне не верите?

Зарих не ответил, только усмехнулся, но я по его глазам поняла, что он не только верит, но и знает гораздо больше меня. А я могла бы сразу догадаться! Стал бы он иначе меня выслушивать!

– Это бред, – сказал он жёстко, – забудь об этом, детка, и никому не рассказывай. А королеву завтра отнесут в фамильный склеп, и всё пойдёт своим чередом.

– Ваше высочество...

Он подошёл к окну, отдёрнул тяжёлую занавеску. Мне показалось тогда, что на плечах у него лежит каменная плита. Если бы он мне доверился! Если бы он мне тогда доверился! Если бы мы соединили обрывки того, что знаем!

Но об этом не могло быть и речи. Я и так переступила все нормы приличия, высказывая ему свои крамольные мысли. Я была ничто, и мне предлагалось не лезть не в своё дело.

– Ступай, – сказал он, не оборачиваясь.

Я лихорадочно рылась в своей короткой памяти, я должна

была ему помочь! Хотя чем-то! Что-то ведь пришло мне в голову, когда я шла к себе из траурного зала, и если бы не эти розы... О боже, ну конечно!

– Ступай, я сказал.

Я встала.

– Хотите знать, где ваш Алигьери?

– Что?

– Алигьери из Стеклянного города.

– Говори.

– Он в приюте. Его там называют брат Осип. Только он вам вряд ли пригодится: он уже давно никому не предсказывает судьбу.

* * *

Похоронная процессия прошла через весь город к Королевскому кладбищу. Там хоронили только самых знатных вельмож Лесовии. Я тупо шла в разноликой толпе среди склепов и могил. Ни у кого на лице не было заметно не то что скорби, а даже простого огорчения. Только у меня и у Зариха. Недовольство и раздражение проступало на прекрасном лице герцогини Юлианы, но на то, я догадывалась, были совсем другие причины.

Одна из фрейлин, хохотушка Молли Моури, находила уместным даже посмеиваться во время панихиды! Она была одной из любимиц Антуана, поэтому ничего не боялась.

Сам Антуан ещё не протрезвел после вчерашнего, он громко разговаривал со своими приближёнными и даже не счёл нужным слезть с коня. Свою мать он провожал в последний путь, сидя в седле. Как только ворота склепа закрылись, он надел берет и натянул поводья.

– Всё, хватит с меня!

Толпа торопливо расступилась, потому что ни он, ни его любимцы под ноги своим коням не смотрели.

– Хорош! – сказала Лили, когда я оттащила её за локоть подальше от дорожки.

– Скотина, – добавила я.

Антуан был, пожалуй, даже красивее своего брата Зариха. Он был в мать: синеглазый, с угольно-чёрными волосами, высокий, гибкий; но свою красоту он пропил, утопил её в своих брезгливости и хамстве. Лично я, да и не я одна, видела в нём только самодовольное грубое животное.

Кладбище опустело быстро, вслед за наследным принцем уехали Тиманские, Алонские, Тарльские и другие высокие гости. Зарих со своей свитой тоже исчез. На площади мы расстались с Лили, она пошла во дворец готовить стол для поминок, а я направилась к себе домой.

Наш дом был на окраине города, в ремесленном квартале; окна и дверь выходили на маленькую тёмную улочку, на которой всё время пахло гнилой капустой и чесноком. Всё моё существо протестовало против такой убогости и нищеты! Я переступала порог родного дома скрепя сердце: что там мож-

но было увидеть, кроме пьяного отца в углу на соломе, чумазных сестёр за шитьём и измученной матери над корытом, с мыльными руками, потным лицом и мокрой грудью.

– Жанет! Доченька!

Она была в лучшем своём платье, сёстры облепляли её со всех сторон и довольно улыбались. Я не поверила своим глазам: они сроду мне так не радовались!

– Что случилось? – изумилась я. – У вас что, праздник?

– О Жанет, ты ещё спрашиваешь? – Мать вся светилась от радости, счастье красило даже её, я впервые заметила, что она не такая уж старая и некрасивая женщина. – Я всегда знала, что ты у меня замечательная дочь! Я знала, что ты любишь нас!

– Конечно, люблю, – пробормотала я.

– Спасибо тебе, Жанет! Три тысячи золотых дорлинов! Я до сих пор не могу поверить! На эти деньги можно купить целую харчевню!

– Какие деньги?!

– Твои.

– Вы что, с ума все посходили? Откуда у меня такие деньги?

– Как? – Мать оттолкнула сестёр в разные стороны и побледнела. – Разве это не ты передала нам кошелёк? Неужели это ошибка?!

Я подставила под себя табурет и осела на него. В ушах зашумело. Кошмар не кончался!

– Как всё было, расскажите.

– Пришёл человек, передал кошелёк и сказал, что это от тебя. Вот и всё.

– И вы не удивились?

– Удивились, конечно... но ведь королева умерла, она могла оставить тебе...

– Могла! Только в том случае, если я её внебрачная дочь! Но тебе-то, надеюсь, прекрасно известно, что это не так?

Мать бестолково хлопала глазами. Меня просто мутило от негодования, я злилась на них за то, что они не могли понять и объяснить мне, что происходит. Они только глупо радовались!

Боже, кто сказал, что я их люблю? За что мне любить их? Я их почти не знаю! Не помню! Да, я на них похожа: с матерью мы почти на одно лицо, на редкость некрасивое, но ведь это всё! Я человек без прошлого, и это ужасно!

– Вот что, – сказала я угрожающе, – советую вам не тратить из этого кошелька ни одного дорлина.

– Но, Жанет...

– Потому что это какая-то ошибка и за кошельком в любую минуту могут прийти. И горе вам, если вы попытаетесь эти деньги присвоить.

Мать запричитала, а сёстры расплакались: в мечтах они уже видели себя богатыми невестами! Сколько радости было в этом доме до моего прихода!

– Не отдам, – зло сказала мать и плотно сжала бледные

губы, лицо её снова стало старым и некрасивым, – и не упреждай меня!

Спорить с ней было бесполезно, она была упрямая, озлобленная на жизнь, недалёкая женщина.

– Ладно, – я безнадежно махнула рукой, – делайте что хотите, я вас предупредила.

Потом мы молча ели фасолевый суп. Сёстры стучали ложками и косились на меня с каким-то подозрением. Когда они наконец ушли в свою комнату, я отодвинула тарелку и спросила:

– Мама, может, вы от меня что-то скрываете?

– Что мы скрываем? – сразу ошетибилась она. – Что нам от тебя скрывать?

– Кто я?

– Ты? Станный вопрос! Ты моя дочь.

– Это правда?

– Если не веришь, посмотри на себя в зеркало!

– Спасибо, я смотрелась.

С ней трудно было разговаривать, она сразу начинала раздражаться и ничего не хотела слушать. Я поняла, что ничего от этой женщины не добьюсь. Она получила деньги, и больше её ничто не волнует.

– А с какими-нибудь знатными людьми я дела не имела?

– Ты-то? Не смей меня, Жанет. У тебя даже платья приличного не было, чтобы выйти в люди.

– А что со мной было в тот день... ну, когда меня нашли

под мостом? Только поподробней, мама. Пожалуйста!

– Вот пристала! Могла бы и сама вспомнить.

– Но я же не помню!

– Доктор сказал, что ничего страшного с твоей головой не случилось. Ты просто не хочешь!

– Мама, я хочу, – сказала я сквозь зубы. Мне хотелось убить эту глупую, злую женщину. – Я очень хочу.

– Ну что тебе сказать? – усмехнулась она. – Ты сохла по Лесли. Он тогда сидел без денег, ты собрала сумку с едой и потащила этому голодранцу. Мы ещё поругались с тобой тогда. Ночью ты не явилась, к нему ты не дошла, а утром тебя выловили из полыньи полумёртвую. Так что, где ты шлялась всю ночь, вспоминай сама.

– Надеюсь, на Лесли никто ничего не подумал?

– Нет, у него в ту ночь была целая компания, и все как один говорят, что ты там даже не появлялась. Его счастье!

– А сумка? Куда делась сумка с едой?

Мать зло сверкнула на меня жёлтыми заплывшими глазами.

– Хотела бы я это знать!

Я встала, я больше не могла её видеть.

– Мне, наверное, скоро придётся уходить из дворца, – сказала я. – Да и вы теперь богаты. Так что больше не присылай ко мне Катрин за продуктами.

– Да?

– Да!

Уходя, я даже не оглянулась. Дома у меня не было.

* * *

Я любила птицелова Лесли, это я уже слышала. Он был весёлый и беззаботный, жил от сезона до сезона, снимал угол на чердаке у старухи старьёвщицы, неделями пропадал в лесу, путался с девчонками, любил с друзьями напиться и пошуметь на весь квартал и умел подражать своим свистом почти всем птицам. Вот, кажется, и всё, что мне о нём рассказывали.

Его дом. Неужели я когда-то с трепетом входила в этот незнакомый старый домишко, поднималась по узкой лесенке на чердак и стучала в эту дощатую необструганную дверь, в которую не пригнувшись не войдёшь?.. За дверью слышались шаги и птичий клёкот. Я собралась с духом и постучала.

– Открыто!

Почему я так волнуюсь?! Я совсем другой человек, я люблю другого, я ничего не помню о своей глупой любви к этому ветреному мальчишке! Наверное, он смеялся надо мной, несчастной, преданной обезьянкой, которая носит ему еду, а потом сидит в углу и ничего не ждёт, а только молча смотрит. Это было в той, другой жизни, и мне нет до этого дела.

Дверь отворилась со скрипом. Лесли стоял посреди своей комнатухи с недоделанной клеткой из ивовых прутьев.

– Ого! Какая ко мне знатная дама! Жанет, неужели это ты?

В него можно было влюбиться сразу же, на месте. Так со мной, наверное, и случилось когда-то. И дело было даже не в его престонародной красоте, а в его добродушной и приветливой улыбке, которая идёт всем, но особенно таким вот беспечным юношам, синеглазым, желтоволосым, точно василёк во ржи.

– Ну что ты встала? Проходи.

Я протиснулась между корзин и пыльных сундуков. Моё платье, очень скромное по дворцовым понятиям, смотрелось на этом убогом чердаке даже роскошно. Я действительно отдалённо напоминала знатную даму, у меня были кружевные воротник и манжеты, атласный пояс и маленькая шапочка с чёрной траурной вуалью.

– Да ты прямо красавица, Жанет!

– Не смейся надо мной!

– Ого!

Что-то я сегодня стала чересчур агрессивной! Разозлили не на шутку: сначала Якоб Тиманский, потом принц Антуан, потом мать и сёстры... Разозлили маленькую прачку!

– Мне надо с тобой поговорить, Лесли.

Лесли отложил недоделанную клетку и поставил мне стул.

– В чём дело, Жанет?

– Дело в том... – я с трудом находила слова, но они были какие-то глупые и неуклюжие. – Представь себе, что я тебя не помню. Я вижу тебя в первый раз.

– ?

– Это правда. Но я знаю, что мы с тобой дружили или что-то в этом роде... Ты ведь меня помнишь?

– Конечно. Ты была самой доброй девочкой во всём квартале.

– И самой некрасивой.

– Я этого не говорил.

– Ладно, я не об этом. Я хочу сказать, понимаешь, я хочу...

Я окончательно растерялась и запуталась.

– Ну? – спросил он, как мне показалось, участливо. – Что ты хочешь сказать?

– Помоги мне, Лесли! Мне никто, никто не хочет помочь!

Это был уже крик души. Я никогда никого ни о чём не просила, в полной уверенности, что никому нет до меня дела. Я была гордой, несмотря на всю свою ничтожность. Только один раз я лежала в ногах у святого Робина, захлёбывалась слезами и молила его: «Помогите мне, святой отец! Не могу так больше жить, не могу!»

Мне и правда тогда было невыносимо, и как объяснить своё состояние, когда просто не по себе, жутко, чудовищно не по себе, когда душа разрывается не то от волнения, не то от тоски, причины которых и сама не знаешь, и никто не подскажет?

Святой Робин ласково погладил меня по волосам. «Успокойся, дитя моё. Я всё понял». – «Что со мной, святой отец?

«Что это? Что это? Что это?!» – «Это не страшно, это пройдёт», – сказал он, но так ничего и не объяснил. А мать, та объясняла всё очень просто: «Замуж тебе пора, так ведь не берёт никто!»

Лесли слушал меня долго и внимательно. Я рассказала ему всё, что могла. Он больше не улыбался.

– Знаешь, – проговорил он, – я уже не помню, но кто-то о тебе расспрашивал. Как раз накануне того дня.

– Лесли! – воскликнула я умоляюще.

– Не беспокойся. Я этого человека найду. И найду того, кто его послал.

– А ты сможешь?

– Люди, конечно, не птички, но тоже ловятся.

– Я тебя очень прошу, Лесли!

– Всё будет хорошо, Жанет.

* * *

К ночи поминки превратились попросту в пир. Я краешком глаза заглянула из коридора в тронный зал, где пьяные гости танцевали под пьяный оркестр. Навстречу попалась Лили с горой грязной посуды на подносе.

– Представляешь, – заговорила она восторженно, – герцогиня Юлиана объявила, что выходит замуж за принца Антуана.

– Вот как, – сказала я безрадостно, – решилась-таки?

– А почему бы и нет? Теперь эта проклятая королева не будет ей препятствовать. Тебя тут не было, когда она просто выгнала Юлиану из дворца! Стерва!

– Ну не говорят же плохо о покойниках! – взмолилась я.

– А я тебе всё равно скажу: стерва твоя королева!

Мы слышали чей-то короткий смешок и разом оглянулись. В дверях из зала в коридор стояла герцогиня Юлиана. Огненные волосы её пышно лежали на хрупких смуглых плечах, платье мягко ниспадало на пол, облекая точёную фигуру. Она вся была маленькая и хрупкая, её хотелось взять двумя пальчиками и поставить на самое видное место, как бронзовую статуэтку. Дал же Бог такую красоту!

– С каких это пор кухарки лезут в королевские дела?!

У Лили мелко задрожали тарелки на подносе, она попятилась.

– Марш на кухню! – рявкнула герцогиня и хлопнула дверью.

«Кричи, – подумала я, – можешь считать себя будущей королевой и самой красивой женщиной в Лесовии, но всё равно я тебе не завидую, мне тебя жалко, прекрасная Юлиана. Потому что Зарих тебя не любит! Не любит! Не любит!»

Итак, поминки переросли в помолвку. Зарих, который давно бы ушёл с такого сборища, вынужден был сидеть рядом со старшим братом, пить с Якобом и Анджильо Тиманскими, обниматься со старым герцогом и говорить комплименты будущей королеве. Смотреть на это было невыноси-

мо. Особенно когда ему пришлось свою будущую родственницу поцеловать.

– Поцелуй, поцелуй мою невесту! – громко смеялся Антуан. – Я тебе разрешаю! Эй, Зарих, ну нельзя же всю жизнь быть таким святошей! Смотрите, он ещё ломается!

Юлиана встала. Её затрясло мелкой дрожью! Она всю жизнь только об этом и мечтала и никак не могла добиться. Какое хищное и вместе с тем умоляющее было у неё лицо, когда он подходил к ней! Никогда не думала, что страсть может дойти до такого фанатизма.

Я не знаю, был ли Зарих на самом деле святошей или нет, но целовал он её долго и крепко. Все молча уставились на них, перестав жевать и греметь посудой. Я прижалась к холодной мраморной колонне, за которой стояла, и кусала губы. Я завидовала чёрной, обжигающей завистью! И даже не самой Юлиане, а любой женщине, которую он когда-нибудь целовал или будет целовать. Душа моя кричала и металась в моём убогом нескладном теле, лицо моё пылало, сердце стучало, как бубен у цыганки, и тоскливо сжималось. Невозможность! Её величество невозможность стояла передо мной, как непроходимая стена, и беспощадно ухмылялась: «Куда ты лезешь, лягушка? Знай своё место!»

– Красивая у тебя невеста, – холодно сказал Зарих, даже не глядя на несчастную Юлиану.

За что он её так ненавидел?

Я взяла поднос и принялась убирать со стола грязную

посуду. Я это делала только затем, чтоб в коридоре отхлебнуть из какой-нибудь недопитой бутылки. Напиться! Вдрызг! Чтоб в голове помутилось и отшибло последнюю память! Хватит с меня! Хватит!

Напиться мне удалось. В свою комнату я добралась, держась за стенку, плохо владея руками, скинула одежду и встала перед зеркалом. Господи! Разве можно любить это тщедушное тело?! Разве соблазнит кого-то эта грудь или, точнее, отсутствие груди? Разве придёт кому-то в голову погладить эту тощую кривую ногу, которая только называется женской! Лучшее, что я могу сделать, – это напроць забыть об этом. Мир любви для меня закрыт! Навсегда!

С этой мыслью смириться было трудно, тем более что тело, каким бы безобразным оно ни было, оставалось молодым и здоровым. И если душа требовала какой-то безумной любви, то оно хотело чего-то очень простого, отчего пылали щёки и наливалась грудь. Или это я просто была пьяна?

Так вышло, что я не смогла в ту ночь уснуть. Чувства раздирали меня, мысли вытесняли одна другую. На рассвете я вышла во дворцовый парк и бродила там как тень, среди смолкших на ночь фонтанов, равнодушных бронзовых скульптур и развесистых деревьев с влажными глянцевыми листьями. Дворец спал. И я могла представить, что я хозяйка этого дворца и этого парка! Что я сама королева Лесовии. И я прекрасна, как герцогиня Юлиана!

Вот я иду, высоко держа подбородок, отводя назад плечи,

чуть-чуть приподнимая подол парчового платья, цокая по плитам каблучками... и все восхищённо смотрят мне вслед! И Зарих почтительно склоняется и целует мне руку!

Я грациозно, как могла, села на скамеечку у пруда. За мной мысленно следовала толпа придворных. Они ловили каждое моё слово, каждый взгляд! Взгляд упал на кусты.

В кустах кто-то лежал. Сердце застыло от ужаса. Судя по пышной юбке и кружевным чулкам, это была одна из фрейлин. Одна туфля была на ноге, другая валялась рядом.

На ватных ногах я подошла поближе, готовясь увидеть что-то страшное, но всё равно вскрикнула: девушка была мертва, у неё было перерезано горло, голова лежала на окровавленной траве. Я долго смотрела на неё и не могла, словно парализованная, сдвинуться с места. Это была Молли Моури. Ещё вчера она смеялась на Королевском кладбище, а сегодня сама уже отправилась вслед за королевой!

Я долго пятилась, а потом сломя голову побежала искать дворцовый караул. Рассвет уже дрожал в листьях и траве и заливал своим светом белые, до блеска подметённые дорожки.

* * *

Старая кухарка Гертруда, не переставая чистить морковь, сказала, что такое уже было во дворце два года назад. То там, то тут находили молодых красивых девушек с перерезанным

горлом. Мы столпились вокруг неё с вытянутыми от ужаса лицами.

– А убийцу так и не поймали? – допытывались молодые кухарки не столько с любопытством, сколько с озабоченностью: никому не хотелось последовать за Молли Моури.

– Нет, – устрашающе сказала Гертруда и уронила морковку в кастрюлю с водой. От неожиданного всплеска все вздрогнули. – И знаете почему?

Лили вцепилась мне в рукав. Ей было чего опасаться: она была красивая румяная девушка с толстой косой и высокой грудью.

– Почему, Гертруда?

Старая кухарка оглянулась на дверь и, убедившись, что та закрыта, шёпотом сказала:

– Потому что это была сама королева!

– Королева?!

– Да. Мария-Виктория.

– Но ведь сейчас она мертва! – слышался чей-то полный ужаса шёпот. – Она же...

– Да, – зловеще кивнула Гертруда, – а Молли хохотала на её похоронах!

У Лили подогнулись коленки. Она уронила миску на каменный пол, и звон ещё долго стоял у всех в ушах.

Такие разговоры велись не только на кухне. Скоро весь дворец замер от тихого ужаса, особенно после того как нашли ещё нескольких человек с перерезанным горлом. Теперь

все, кто презрительно отзывался о покойной королеве, прикусили языки.

Я не верила, что королева воскресла, да ещё и с такой жестокой целью – отомстить. Я убеждала себя, что эта цепь убийств имеет совсем другие, более житейские, причины. Кто-то знал, что Мария-Виктория убивала своих жертв, проводя ножом по горлу, и теперь пользовался этим, вселяя ужас во всех обитателей дворца! Даже принц Антуан испугался настолько, что самолично ездил на кладбище проверить, на месте ли тело его матери. Тело оказалось на месте.

Я не хотела бояться, я устала бояться, у меня просто не было сил бояться! Я не верила в этот кошмар. Не верила до тех пор, пока жертвой не стала моя подруга Лили.

Её нашли в коридоре из подсобки на кухню. В луже крови. На лице её застыл ужас. У меня не было сил даже разрыдаться над ней. Кому?! Кому помешала эта девочка-кухарка? С толстой русой косой, с румяными щеками? Она провинилась только в том, что называла покойную королеву стервой и развратной бабой! Бедная моя Лили! Никого у меня в этом мире не осталось.

Ночью я надела самое тёмное своё платье, повязала чёрный платок и пошла на кладбище. Если моя королева вставала из гроба, я должна была это видеть.

Было как-то жутко, я с трудом нашла в темноте королевский склеп и притаилась на плите за надгробным камнем. Когда луна пряталась за тучи, мороз пробежал по коже, я

смотрела на грозно клубящиеся серые облака и чувствовала, что делаю что-то противоестественное, что мне нельзя здесь находиться, что я рискую прогневить Бога, что это царство мёртвых, а я – живая! Но потом я вспоминала Лили, и кулаки мои упрямо сжимались. «Я увижу тебя, королева! Если ты выходишь из своей могилы, я увижу тебя! А если не выходишь, значит, убивает кто-то другой, и я буду это знать!»

Луна показалась из-за туч, высветила все могилы и ограды, все каменные холмики склепов. Я дрожала от холода или от волнения и отчаянно ждала рассвета. Я старалась не думать о том, где нахожусь, и мысленно возвращалась к самому светлому воспоминанию в моей жизни. Мы с Зарихом вдвоём у ручья, и я ещё не знаю, что он принц и что я буду любить его преданно и долго; мне просто хорошо и радостно, я полощу бельё, а он выливает воду из сапог и смеётся.

Скрип петель заставил меня вздрогнуть. Ворота склепа стали медленно открываться! Я перекрестилась и, стоя на коленях, выглядывала из-за своего скорбного укрытия. Сердце билось как загнанное, видит Бог, мне не хотелось верить в привидения!

Из ворот, медленно озираясь, вышла высокая женщина в длинном плаще. Я не могла разглядеть лицо, но волосы её показались мне чёрными как ночь. Вот тогда я узнала, что такое настоящий животный ужас! Ужас необъяснимого, сверхъестественного, демонического! Если б я не видела её мёртвой! Если б я не сидела часами у её гроба!

Не помню, как я бежала через весь город и как очутилась во дворце. Я заперлась в своей комнатушке, и долго ещё у меня тряслись руки и колотилось сердце.

Днём в тронном зале за портьерой нашли маленького сторбленного Корби. Ещё вчера вечером я варила ему просяную кашу на воде.

* * *

Зарих любил старого шута, он даже дружил с ним. Я видела, как сжались его кулаки, когда он пришёл взглянуть на несчастного карлика. Зрелище было не из весёлых.

Принц заметил меня, взял за плечо и отвёл в сторону; лицо его было серьёзно.

– Послушай, Жанет, я посылал за Алигьери. Его больше нет в приюте. Ты не знаешь, где он может быть?

– Это может знать только святой Робин.

– Молчит твой Робин. Молчит как затворник!

Он стоял рядом, держал меня за рукав, похоже, даже жаловался мне на несговорчивого Робина. И я решилась заговорить с ним о самом страшном.

– Ваше высочество...

– Ну?

Я кивнула в сторону убитого Корби:

– А вы верите... в то, что это королева?

– Конечно, нет, – холодно и без запинки сказал он.

И я поняла, что он говорит: «Конечно, да». Он слишком много знал. Но не всё!

– Ваше высочество, мне нужно вам кое-что рассказать.

– Опять? – усмехнулся он.

– Это важно!

– Ладно. Сегодня вечером.

Вечером я пришла к нему в гостиную, уже не поправив причёску и не надев новый воротник. Какое всё это имело значение? Даже если бы я выкрасила волосы в зелёный, он бы этого не заметил. Я была просто нечто, без пола и возраста, которое что-то может сообщить.

Я снова утопала в огромном кресле, и ноги мои едва доставали до пола. Принц сидел напротив, он был одет в строгий чёрный костюм с серебряным кружевом, траур у него не кончался. Глаза его, тоже цвета серебра, в полутьме казались чёрными и мрачными.

– Лили, которую вчера убили, была моей подругой, – начала я, как всегда, невпопад.

– И что же? – холодно спросил Зарих.

– Я могу поклясться, что она ни в чём не была замешана и ни перед кем не виновата. У неё не было врагов. Тем не менее ей перерезали горло. И знаете почему?

– Почему?

– Она имела неосторожность назвать королеву стервой. В этом вся её вина!

– И что ты этим хочешь сказать?

– Только то, что её убила королева.

– Мёртвая?

– Да! Только не та, которую я знала, а та, другая! Я же вам говорила, что их две!

– Тише! – оборвал меня принц. – Об этом вовсе не обязательно так кричать.

– О! – заговорила я, переходя на шёпот. – Вы же сами всё знаете, ваше высочество!

– Да, – сказал он жёстко, – и я намерен прервать эту цепь смертей. Теперь уже любой ценой.

– Тогда вам нужно поехать сегодня ночью на кладбище, – заговорщицки сказала я.

– Зачем? – почему-то удивился он.

– Она же выходит ночью!

– Кто?!

– Как кто? Королева.

Принц нахмурился.

– Лягушонок, ты в своём уме?

– Ваше высочество, я сама её видела.

– Ты?!

– Я была сегодня ночью на кладбище.

Он долго молча смотрел на меня, что-то не укладывалось в его красивой благородной голове, что-то мешало ему поверить моим словам. Он хмурился всё больше.

– Расскажи, что там случилось.

И я рассказала, как из склепа вышла высокая черноволо-

сая женщина и, озираясь, исчезла в кустах.

– Чёрт возьми! – сказал принц, нехорошо усмехаясь. – Я должен это видеть! И если ты не врёшь...

– Я вам клянусь!

Ночь была прохладная и звёздная. Кладбище утопало в свете луны, и ни один кустик не дрожал на ветру, ни одна тень тревожно не колыхнулась. Вчера мне и в голову не могло прийти, что какая-нибудь сила заставит меня оказаться здесь снова! Но вот я была здесь, и теперь мы уже вдвоём сидели за могильным камнем и наблюдали за воротами королевского склепа. Не знаю, чего я больше боялась: того, что она выйдет, или того, что нет, и значит, я зря привела сюда принца.

Зарих был внешне спокоен. Он сонно ёжился и тоскливо смотрел на небо.

– Жанет, ты знаешь, как называется эта звезда?

– Не знаю.

– Так я и думал. Это же Вега. Запомни: Вега – самая яркая звезда на летнем небосклоне.

– А вы знаете, чья это могила, возле которой мы сидим? Лимурской графини Ангелины.

– О! – засмеялся он. – Как ты меня с небес на землю! Ну и где же твоя королева?

– Надо ждать, – сказала я твёрдо.

Мы снова ждали, стало совсем холодно, поднялся ветер, и тени зловеще задвигались. Сердце стыло.

– Тебе холодно? – спросил Зарих.

– Нет, – соврала я, сама не знаю зачем.

– Тогда почему ты дрожишь?

– Наверное, от страха.

– От страха? А я-то подумал, что ты смелая девочка.

– Ну что вы, какая там смелая! Просто мне терять нечего.

Мне даже жизни своей не жалко.

– У тебя такая безрадостная жизнь?

– Она у меня короткая. Позапрошлой зимой меня ударили по голове и сбросили с моста. И я всё про себя забыла.

– Кому же ты помешала, бедный лягушонок?

– Не знаю... говорят, я была тихая как мышь.

Зарих посмотрел, улыбнулся, снял плащ и завернул меня в него.

– На-ка, укройся.

Я сидела где-то у него под мышкой и тихо дрожала.

– А вы не боитесь, ваше высочество?

– Призраков? Да что ты... Бояться нужно совсем другого.

– Чего же?

– Ну, например, того, что король Белогории стянул войска к нашим северным границам. А весь Лимура уже под властью Триморья. Я боюсь только одного: что мою страну разорвут на куски и это случится очень даже скоро.

– Я никогда об этом не слышала, – сказала я удивлённо.

– Об этом не принято говорить. Так легче веселиться!

– А разве наследник Антуан не собирается воевать с Бе-

логорией?

– Ни черта он не собирается, ваш наследник! Впрочем, можно было обойтись и без войны. Я объездил полмира, Жанет, где я только не был! У меня были бумаги, с помощью которых я мог перессорить всех министров Тумании и натравить Триморскую империю на Симур! Я потратил на это три года жизни...

– Где же эти бумаги? – спросила я упавшим голосом.

– Где? – Зарих крепко стиснул мои плечи, но сразу отпустил, потому что я охнула. – Видишь ли, лягушонок, я имел глупость доверить их на хранение одной даме. Я не знал, что она никогда мне их не вернёт.

– Так вот почему вы её так ненавидите?

– Кого?

– Герцогиню Юлиану.

Он не ответил, только погладил меня по голове, как ребёнка. Одного я так и не поняла: почему Юлиана прятала бумаги, ей ведь не могла быть безразлична судьба Лесовии, тем более что она собиралась стать королевой. Неужели из желания отомстить Зариху она готова была пожертвовать своей страной? Что же это за любовь такая?!

– Она вас так любит, – сказала я с грустью.

– О да! – усмехнулся он. – Этого у неё не отнять!

Ворота склепа тихо скрипнули. Зарих сразу весь напрягся, отодвинул меня и встал.

– Кажется, начинается, детка...

Я выглядывала из-за надгробного камня Ангелины Лимурской, и колени мои сами собой подгибались. Из ворот, всё так же озираясь, вышла высокая женщина в длинном тёмном плаще. Она шла прямо к нам! Лицо её было бледно, а волосы черны как ночь. Зарих выпрыгнул на дорогу прямо перед ней и схватил её за плечи. Тут раздался истошный вопль, от которого у меня всё оборвалось внутри! Женщина вырывалась и орала как сумасшедшая, пока Зарих не придавил её к земле коленом и не зажал ей рот.

– Жанет, посмотри!

Это была не королева. Совсем другая женщина, некрасивая, с лицом испитым и обезображенным оспой, она смотрела на нас выкатившимися от ужаса глазами и что-то мычала. Пока они боролись, у неё выпал кошелёк. Я подняла его и развязала.

– Здесь одни золотые дорлины!

– Ещё бы! Задаром никто в склеп не полезет.

Зарих разжал ей рот. Женщина больше не кричала, она уже поняла, что мы не привидения, а такие же живые люди.

– Ну, – спросил он, подставляя остриё кинжала к её шее, – что ты делала в королевском склепе, дорогая?

– Пустите, мой прекрасный господин, – жалобно запричитала она. – Я ничего не украла!

– А золото?

– Этот кошелёк положили специально для меня! Чтобы я пришла и забрала его! Я всё делала, как он велел! Пришла

вечером, вышла ночью!

– Кто велел?

– Я не знаю, мой прекрасный господин!

– Хорошо, но как он выглядит?

– Однорукий. С чёрной бородой. Я его не знаю, мой господин.

Женщина начала тихо всхлипывать. Зарих отпустил её и через секунду уже забыл о её существовании.

– Убирайся к чёртовой матери! Ещё раз увижу – убью!

Я подошла к нему и только тут заметила, что у него дрожат руки и дёргается щека.

– Нас дурачат, Жанет. Сдаётся мне, сегодня будет ещё один труп.

– А кто этот однорукий? Вы его знаете?

– Это Урсино, человек королевы.

Плащ принца был велик мне настолько, что волочился по земле. Наверное, я была очень нелепа в нём, с моими лопоухими ушами и обезьяньим лицом, потому что принц посмотрел на меня и засмеялся долгим нервным смехом. Я тоже потом рассмеялась как ненормальная. Впрочем, ничего другого нам и не оставалось.

– Ну у тебя и шутки, лягушонок! Это же надо такое выдумать: королева воскресла! Весёленькую ты мне устроила ночь!

Я тянула его за рукав к выходу.

– Ваше высочество! Идёмте, здесь же кладбище...

Во дворец мы пришли на рассвете, усталые и какие-то опустошённые. Я вернула ему плащ, а он протянул мне кошелёк этой нищенки, набитый дорлинами.

– Держи, детка. Он по праву твой.

Я сунула кошелёк под мышку и долго ещё смотрела, как Зарих уходит от меня по коридору на свою половину. Я ещё не знала, что долго его не увижу.

* * *

Мне приснилась большая красивая кукла с фарфоровой головой и голубыми волосами. В жизни я никогда не видела таких роскошных кукол! Я зачем-то начала её раздевать, потом острым ножом беспощадно разрезала её тряпочное тельце и вынула оттуда вместе с клочьями набивки свёрнутые в рулон бумаги. Какие-то очень важные бумаги!

Я проснулась, как от кошмара, и долго ещё, ошарашенная, сидела на кровати, не понимая, сон ли это или приступ ясновидения. Я слишком хотела помочь Зариху, последние несколько дней я только и жила этой мыслью: как бы достать ему его бумаги? Я помешалась на этой мысли. И вот то ли Бог меня услышал, то ли я, потеряв память, приобрела взамен какие-то необычные способности, но у меня не осталось сомнений, что бумаги в кукле с голубыми волосами.

Вечером я всё рассказала Лесли. Не знаю почему, я доверяла ему безгранично. Наверное, потому, что довериться

было больше некому. Он отнёсся к моему сну серьёзно.

– Я верю, – сказал он, – что если чего-то сильно захотеть, то это когда-нибудь сбудется. А ты вообще человек очень странный, Жанет.

Он угощал меня лесными орехами и поил травяным чаем. Мне было очень уютно на этом богом забытом чердаке с сундуками, полками и клетками.

– Ты что-нибудь узнал обо мне?

– Почти ничего. Зато я много думал.

– И что ты надумал?

– Ничего хорошего, Жанет. Я склоняюсь к мысли, что тебе лучше не вспоминать того, что с тобой случилось.

– Почему?

– Да потому что ты наверняка была свидетелем чего-то ужасного. И, может быть, не только свидетелем, но и участником. Ты говоришь, что тебе первое время было не по себе?

– Мне и сейчас не по себе!

– Тоска, беспричинное волнение, тяжесть на сердце...

Святой Робин тебе не объяснил, что это такое, а я объясню.

– И что же это?

– Это совесть, Жанет.

– По-твоему, памяти нет, а совесть есть?

– Да! Тебя терзают муки совести, а ты даже не знаешь почему.

– Господи, – прошептала я, – что же я такого натворила?!

Лесли подлил мне кипятку из чайника и подвинул банку

с вареньем. Он смотрел на меня с откровенной жалостью.

– Впрочем, это только моё мнение, – улыбнулся он, – а я простой глупый птицелов.

Я бестолково водила ложкой в банке и понимала, что он прав. Да, всё было именно так. Я видела что-то ужасное, из ряда вон выходящее. Потом меня убрали как ненужного свидетеля. Не из страха, а так, на всякий случай. Бедной прачке всё равно бы никто не поверил. Я оказалась слишком ничтожной, поэтому до сих пор живу.

– Я хочу всё вспомнить, – сказала я тихо, но твёрдо.

– Лучше не надо, – покачал головой Лесли.

– Я хочу всё вспомнить, – повторила я упрямо, – иначе я никогда не избавлюсь от этого кошмара.

– А если там такое, отчего можно сойти с ума?

– Неизвестность хуже всего, как ты не понимаешь?

– Я понимаю одно: если б это не было так страшно, ты бы давно всё вспомнила. Ты боишься. Понимаешь, ты неосознанно этого боишься. Забвение – твоя защита.

– Я уже ничего не боюсь, Лесли, – вздохнула я, – и куклу эту я уже вспомнила. Да-да, я не сомневаюсь, что сама видела, как в неё прячут бумаги.

– В таком случае далеко же тебя занесло!

– То есть?

– Где может находиться кукла герцогини Юлианы? Уж, наверное, в её родном доме, в Тимане, в родовом замке.

«Дальняя предстоит дорога, – подумала я с тоской, – в

суровый, заросший вековыми лесами Тиман!»

– Да, это очень далеко, Лесли.

– И когда ты там успела побывать?

– У нас в Тимане тётка живёт.

Лесли задумался, потом посмотрел на меня и сказал:

– Ну что ж! Надо ехать, Жанет.

Я не поверила своим ушам.

– Ты хочешь ехать со мной?

– А ты собралась одна?

– Да.

– Не выдумывай. Ты и костра-то в лесу не разведёшь. Тиман – это тебе не Алонс и не Лимур!

– Лесли, неужели ты ради меня потащишься в такую даль?

– Так уж и ради тебя! – улыбнулся он. – Ради Лесовии.

– Знаешь, – сказала я, сияя от радости, – а у меня есть деньги! Целый кошелёк! Нам хватит на дорогу.

* * *

Если б не Лесли, я бы двадцать раз уже пропала! Дороги кишели разбойниками и отрядами нетерпеливых белогорцев, которые, не дожидаясь войны, уже грабили Тиман. Я доверилась своему попутчику слепо и во всём. Я даже чуть-чуть влюбилась в него, потому что сила и ловкость мужчины, от которого полностью зависишь, не могут оставить равнодушной.

Впрочем, влюбляться в Лесли было почти так же безнадежно, как и в Зариха. Он не был принцем, но по-своему знал себе цену, и я была для него просто маленьким дружком, неуклюжей, беспомощной обезьянкой, которую он заботливо оберегал от всех ужасов дальней дороги.

Женщины обращали на него внимание везде: на рынках, в придорожных корчмах, гостиницах – и никак не могли понять, почему он проводит время с такой дурнушкой.

В одной гостинице дочь хозяйки его всё-таки соблазнила. На ночь он оставил меня одну. Пожелал спокойной ночи и закрыл за собой дверь. Что тут со мной началось! Полночи я давилась слезами оттого лишь, что никто не хочет замечать во мне женщину! Все видят только маленькое лопоухое бесполое существо! Ушёл! Счастливый и довольный! Ему даже в голову не пришло, что я могу обидеться.

Меня всё время преследовал кошмар: Лесли и эта бледная желтоглазая поганка в его объятьях. Хорошо ей сейчас, наверное! И за что ей такое счастье? Ничего, завтра уедем, и она его больше никогда не увидит!

Утром она смотрела на меня с чувством бесконечного превосходства. Она меня презирала, она смеялась надо мной, или это мне так казалось.

Следующую ночь мы провели в лесу, в шалаше из еловых веток. Лесли уснул сразу, а я ещё долго лежала, прижимаясь к нему, и думала о том, что первый раз в жизни обнимаю мужчину. И он мне нравится, и я могу погладить его

выгоревшие льняные волосы, и положить ему руку на грудь, и уткнуться носом ему в плечо, и представить, что он мой. Да, пока он спит, он мой! Потом я ужаснулась от мысли, как мало мне надо! Хоть бы он обнял меня, что ли! Да что же это такое!

Лесли потянулся, но продолжал крепко спать. Я осторожно наклонилась над ним и коснулась его губ своими губами. Ну не убьёт же он меня, если проснётся! Один робкий поцелуй за всю жизнь, предыдущую и последующую, – неужели это так много?

– Спи, – сказал он, не открывая глаз, и я зарылась лицом в куртку, служившую подушкой.

И жуткая тишина повисла над лесом, и никогда ещё мне не было так одиноко и тоскливо в этом мире. Я была готова бежать куда угодно: в черноту, в бездну, на съедение волкам, утонуть в болоте, – только бы не слышать этого отталкивающего «спи»...

Мы были уже в самом центре Тимана. Это был совсем особый мир, со своими волчьими законами. Здесь никому не было дела до того, что существует столица с её изысканной, утончённой жизнью, что с дамами почтительно раскланиваются, что грубая ругань неприлична, что во время еды не чавкают, а перед сном умываются. Так получилось, что лесами добираться оказалось безопаснее, чем по дорогам. Мы береглись не столько от разбойников, сколько от хамства, которого Лесли не выносил и всё время норовил ввязаться в

драку. Один раз он вышвырнул за дверь корчмы какого-то пьяного верзилу, который ко мне приставал, а потом мы еле унесли ноги от толпы его приятелей с топорами.

– Дикая страна, – смеялся он потом, когда всё было уже позади.

В лесу я быстро одичала. Лесли ловил птиц и стрелял зайцев, я жарила мясо на вертеле, собирала ягоды и сама уже не верила, что жила когда-то во дворце. Все ужасы остались где-то далеко. В лесу не водились привидения, и можно было проснуться утром и не задаваться жутким вопросом: кого найдут мёртвым на этот раз?

– Лесли, а может, я всё выдумала? – спросила я однажды, в минуту блаженного затишья. – Может, всё гораздо проще? Просто много совпадений? Шёл какой-то разбойник, ударил меня по голове, отобрал мою сумку с продуктами и скинул меня с моста, чтобы не вопила. И никто мне не угрожал, просто Корби показалось, что кто-то меня ненавидит. И розы сами завяли. Может же такое быть? И королева просто бредила... И кукла мне просто приснилась! Нет там никаких бумаг. Да и куклы самой нет.

Лесли нанизывал кусочки мяса на очищенный прутик, он не сразу поднял голову, чтобы посмотреть на меня.

– Как это, нет?

– А с чего ты взял, что есть? Почему ты этому так сразу поверил? Почему ты вообще мне веришь? У нас ничего нет, Лесли, кроме неясных догадок и чужих слов. А что такое

слова? Ты даже не нашёл того человека, что расспрашивал обо мне. Может, и не было никакого человека?

– Не нашёл? – Лесли взглянул на меня чуть ли не оскорблённо. – Кто тебе сказал? Я его просто не застал. Он куда-то уехал. Я могу тебе сказать его адрес и назвать его приметы. Он существует, Жанет. У него чёрная борода и нет руки... Что с тобой, Жанет? Ты что так побледнела?

– Это человек королевы, – пробормотала я.

* * *

Родовой замок герцогов Тиманских вырос внезапно, как по волшебству. Вдруг кончился лес, я отвела от лица последнюю еловую лапу и увидела перед собой зелёную долину с серебристой рекой и большим красивым замком в окружении пёстрых деревушек. Сердце защемило, словно я пришла в страну обетованную, словно видела её много раз во сне, летала над ней, как птица, и тосковала по ней в разлуке.

– Лесли! – Я растерянно повернулась к нему. – Посмотри, ты только посмотри!

– Дошли, – сказал он с облегчением и взял меня за руку. – Идём, Жанет, переночуем в деревне.

– А как же замок?

– Неужели ты думаешь, что можно просто так попасть в замок?!

Я так не думала, я просто знала, что я там буду. С той

самой секунды, как увидела его.

Это только казалось, что замок близко, как на ладони. На самом деле идти пришлось долго. Мы добрались до деревни и постучали в крайний по улице дом только на закате. Жара спала, воздух посвежел, и даже дорожная пыль под ногами остыла.

На крыльце лежала большая рыжая кошка. Я взяла её на руки и прижала к себе, как ребёнка. Я соскучилась в лесу по нормальным домашним животным. Я бы, наверное, и корову расцеловала.

Хозяин пустил нас только после того, как Лесли потряс перед его носом кошелек с деньгами. Тогда он сразу стал ласковым и предупредительным. Нас ждали горячий ужин и чистые постели.

– Нам нужно попасть в замок, – сказал Лесли, выкладывая монеты стопочкой. – Это реально?

Хозяин задумался на минуту.

– В соседнем доме живёт Бенто, он возит в замок свежую рыбу. Попробуй договориться с ним.

Потом мы пошли к этому Бенто, вернулись уже втроём, когда я легла спать, долго ещё сидели за столом, гремя бутылками, и шумно разговаривали. Уснуть под эту болтовню и хохот было невозможно. Я утешалась только тем, что ко мне пришла кошка и тыкалась мне в шею тёплым носом.

«А ты видел там, в Трире, нашу Юлиану? Дочку нашего герцога?» – «Приходилось». – «Вот это красавица! Как уви-

дишь – так забудешь, кто ты есть! Я ещё помню, как она тут девчонкой бегала, с деревенской ребятнёй играла!» – «Она выходит замуж за короля». – «А ты не врешь?» – «С какой стати? Она ж не за меня замуж выходит!» – «О-хо-хо! Король нашёлся!» – «Смейтесь-смейтесь... А я один раз был у неё в гостях...»

Повисла недоуменная пауза, я прислушивалась что есть силы, чтобы не пропустить ни одного его слова.

– Я птицелов, – весело сказал Лесли. – Стою как-то прошлым летом на рынке, продаю своих щеглов. Тут подваливает целый отряд, меня под руки и вместе со всеми моими клетками к ней в особняк. Я, когда её увидел, чуть не ослеп. «Почём, – говорит, – твои птички?» Никогда бы не подумал, что её лесные птахи интересуют! Ну, мне терять нечего и птиц не жалко, ещё наловлю. «За один поцелуй, – отвечаю, – всех отдам».

– Ну ты наглец! И как? Согласилась?

– Согласилась. Я ей потом молодого сокола принёс и трёх сизокрылок.

– И всё за один поцелуй?

На этот вопрос Лесли не ответил. «Ну и пусть! – подумала я, отворачиваясь к стенке. – А Зарих её всё равно не любит! Только зачем ей понадобился Лесли? Не из-за птиц же, в самом деле?»

Утром Лесли вырядился в рыбацкие сапоги и шляпу Бен-то. Меня нарядили деревенским мальчиком. Право, это бы-

ло нетрудно: никаких женских черт у меня не было. Вот уж действительно существо без пола и возраста! Мы погрузили на телегу корзины с рыбой и поехали. Телега ползла медленно и скрипела, я сидела, свесив ноги в огромных дырявых башмаках, и смотрела ему в спину.

– Ты вчера наврал про Юлиану. Зачем? Думаешь, деревенские дурачки так тебе и поверили?

– Во-первых, они вовсе не дурачки. Во-вторых, я сказал только то, что было. А в-третьих, тебя это не касается.

– Да как это не касается, когда я буквально на каждом шагу сталкиваюсь с этой женщиной? Она везде! Только о ней и слышу! Она уже и до тебя добралась!

– Успокойся, я не пострадал.

Мне нечего было ответить, я стала смотреть на приближающийся замок. Сейчас я увижу логово этой вздорной красавицы! Сейчас я до него доберусь и, может быть, что-то пойму!

Через ворота мы проехали спокойно, корзины с рыбой отнесли прямо на кухню, и, пока Лесли заговаривал зубы повару, я проскользнула во внутреннюю дверь и очутилась в полутёмном каменном коридоре.

Дальше я шла уже по наитию, шарахаясь по углам и замирая от страха на каждом шагу, пока не вышла-таки в господские покои. Роскошное убранство комнат говорило именно об этом. Один раз я чуть не налетела на слугу с подносом, но вовремя присела за напольную вазу.

Жизнь в замке почти замерла: все господа были в Трире. Тишина и запустение царили тут. У меня было странное чувство: будто я всё это уже видела. Я проходила очередную комнату и не удивлялась, что вижу стол на этом месте, а кровать — на этом. Я была здесь! Иначе почему так тоскливо сжимается сердце?

Да, да, да! Это было здесь! Это ужасное, непонятное, то, что я никак не могу вспомнить! Я была здесь. И привести меня сюда могла только сама герцогиня Юлиана. Опять эта женщина! Какая-то роковая женщина в моей судьбе!

Вот за этой дверью будет спальня, потом уборная, потом детская! Сердце готово было выскочить из груди. Старый замок, пустые, как нарочно всеми покинутые комнаты, неуловимо знакомые, и я, маленькая прачка в неряшливом костюме деревенского мальчика! Было отчего разволноваться.

Я уже не сомневалась, что найду куклу с голубыми волосами. И я её нашла. Она сидела в кресле, как знатная дама, платье на ней было розовое, с блёстками, а туфельки — красные. Красивая такая, замечательная кукла. Я спряталась вместе с ней за занавеской на случай, если кто-то войдёт. На тельце у неё был шов. По нему я и резанула ножом.

Бумаги были свёрнуты в рулон, они выпали вместе с набивкой на подоконник. Я не стала их читать, торопливо сунула за пазуху и отправилась в обратный путь. Дойдя до двери, почему-то вернулась, надела на несчастную куклу платье и посадила на прежнее место.

– Прости, Стелла...

Лесли уже сидел на телеге и весело болтал с тремя служанками. Одна была с метлой, другая – с тряпкой, а у третьей в руках было большое ведро. Все три, кажется, забыли о своих делах и смотрели ему в рот.

– О! Вот и мой Жано! – воскликнул Лесли, когда я появилась из дверей кухни. – Где тебя носит, чёртов мальчишка?

Я молча вскарабкалась на телегу, мне было как-то совсем не до шуток.

– У тебя что, живот болит?

– Поехали, Лесли!

Он вежливо простился со своими новыми подружками, а одной из них, по имени Мари, даже назначил свидание. Она громко и глупо смеялась. Курица! Нас вечером тут уже не будет!

Когда мы отъехали на безопасное расстояние, Лесли бросил поводья и обернулся. Я увидела, что ему тоже не до шуток.

– Ну что? Нашла?

– Нашла, – я постучала себя по животу, – вот они.

Мы долго удивлённо смотрели друг на друга, словно не за этим сюда пришли из самого Трира.

– Знаешь, так всё странно, – сказала я, – мне всё кажется знакомым. Я здесь точно уже была.

– Не сомневаюсь!

– А куклу зовут Стелла.

– Жанет, мне кажется, я начинаю тебя бояться.

* * *

Последнюю ночь мы провели в лесу, уже недалеко от Трира. Мне не хотелось расставаться с Лесли, я так привыкла к нему, к его постоянной опеке, к его лицу и голосу, к его жёсткому плечу и его сильным рукам, которые обнимают меня, закрывая от холода, и ласково гладят по волосам, как ребёнок. Будь я на самом деле мальчиком Жано, он вёл бы себя со мной точно так же. Жаловаться мне было не на что, просто... просто ему и в голову не пришло, что я такая же женщина, как эта Мари, или та бледная поганка в гостинице, или даже сама герцогиня Юлиана.

– А зачем она всё-таки тебя к себе притащила?

– Кто?

– Юлиана.

– Не знаю. Она меня рассматривала, как будто я её внебрачный сын. Совершенно беспардонная баба, надо тебе сказать.

– Так она тебе не нравится?!

– Конечно, нет.

– Зачем же ты дарил ей сизокрылок?

– Она красивая. Если б она сидела неподвижно и ничего не говорила, на неё можно было бы смотреть бесконечно. Красота, она имеет ценность сама по себе, даже если её об-

ладательница стерва каких мало.

– Понятно. А она тебя ни о чём не спрашивала?

– Только про птичек.

Я снова положила голову ему на плечо и уснула. В эту последнюю ночь мне не хотелось думать о странностях вздорной герцогини. Я слишком устала.

На следующий день, к вечеру, мы уже были в Трире. Лесли довёл меня до самых дворцовых ворот, подмигнул и ободряюще похлопал по плечу:

– Всё будет хорошо, Жано. – Он теперь звал меня только так. – Ты заходи ко мне завтра, расскажешь...

– Хорошо.

– Принцу привет!

Я кивнула.

Дворец по-прежнему жил своей жизнью. Меня, как всегда, никто не замечал, деловитые лакеи, угрюмые стражники, расфуфыренные фрейлины и озабоченные служанки торопились куда-то по своим делам, я и забыла, как тут всё бывает. На кухне была только судомойка Сильвия, она отмывала сковородки, напевая что-то себе под нос. Меня она сначала не узнала.

Я окончательно одичала за этот месяц в лесу, сильно похудела, загорела до черноты, перепачкалась, ободралась и исцарапалась, под ногтями у меня была земля, а из волос торчали сосновые иголки.

– Господи! Жанет! Неужели это ты? – Сильвия всплеснула

руками. – Где ж тебя носило, детка?

– И не спрашивай...

– Мы уж думали, что тебя тоже... Есть, наверное, хочешь?

– Умираю!

– Посмотри там, в котлах. Каша должна остаться и куриные потроха.

Я ела жадно и без разбора: холодную кашу, остывшую котлету и остатки обеденного пирога с черникой. Сильвия смотрела на меня с жалостью.

– Какие у вас тут новости?

– Какие? Свадьба через неделю.

– А убийства эти прекратились?

– Давно. Все уже успокоились, шьют костюмы к карнавалу, свозят во дворец всякие разности: вчера, например, слона привели. Ужас какая животина! Ноги как колонны!

– А убийцу не нашли?

– Так то королева была, Мария-Виктория. Кого не любила при жизни – всех перерезала!

– А Зарих здесь?

– Где ж ему быть, если брат женится? Здесь твой Зарих.

От сердца отлегло. Больше всего я боялась, что он куда-нибудь уедет и я не смогу его обрадовать.

– Он не мой, – улыбнулась я грустно, – он как звезда на летнем небосклоне... Вега, кажется.

– Он тебя искал, – сказала Сильвия, усердно натирая сковороду. – Сам на кухню приходил и про тебя спрашивал.

– Неправда, – пробормотала я.

– Не знаю, что у вас там за дела, – усмехнулась она. – Только не подходит принцу на кухню ходить.

– Ему лучше знать, что подходит, а что нет.

К Зариху я летела как на крыльях, я так спешила, что даже не удосужилась вычесать сосновые иголки из спутанных волос и переодеться в чистое платье. Я забыла в лесу, что такое нормы приличия. Лохматая, чумазая обезьянка почти влетела в гостиную принца, сама не своя от волнения.

Принц со своими приятелями развлекался. Тоненькая томная фрейлина играла на лютне и пела, остальные обнимались по всем углам, пили вино и лакомились конфетами и фруктами. С ними была ещё какая-то старуха, которая всем по очереди гадала по руке.

– Зарих, к тебе дама! – крикнул кто-то из его друзей, и все дружно рассмеялись, а я непроизвольно съёжилась.

Он обернулся. Он был красив до безумия, великолепен в своём чёрном с серебром костюме, с копной русых кудрей, с ясным своим взором, с гордой своей осанкой, с рубиновым фужером в руке. Я ощутила собственное ничтожество тут же, не сходя с места, мне выть захотелось, так он был хорош! Кто это выдумал, что он искал меня на кухне?!

Не обращая внимания на общий смех, Зарих медленно подошёл ко мне, на лице было удивление.

– Это ты, лягушонок? Ты ещё жива?

Он говорил безо всяких интонаций, и я поняла, что ему

совершенно безразлично, жива я или нет. Господи! Да самой-то мне не всё ли равно?!

– У меня для вас есть нечто важное, – сказала я шёпотом.

– Потом, – поморщился он. – Иди-ка выпей с нами, – и красивым жестом указал на стол. – Прошу!

Это уже походило на комедию. Все весело глядели, как принц меня угощал. Я смотрелась среди этих роскошных господ как пугало в своём грязном, разорванном платье. Фужер дрожал в моей руке, а конфета просто застряла в горле.

– Пой, Сцилла, пой, – повернулся он к томной девушке с лютней, – или тебя смущает моя новая гостья?

Я, несомненно, смущала обладательницу нежного голоса, но она не посмела ничего сказать на этот счёт, вздохнула и запела.

Старуха тем временем добралась до Зариха. Он насмешливо протянул ей руку, уже заранее не веря в то, что она ему наболтает.

– Ты будешь самым великим королём Лесовии, – сказала она, качая головой в чёрном платке. – Тебя будут помнить потомки, о тебе будут ходить легенды...

– В самом деле?

– Но жизнь у тебя будет короткая, прекрасный Зарих. Ты погибнешь в расцвете сил и славы своей от руки друга. И горе тогда Лесовии!

– Согласен! – засмеялся Зарих.

– На что?

– Умереть в расцвете сил, если только сбудется твоё первое предсказание! Но до этого, кажется, далеко. А теперь погадай ей.

Старуха взглянула на мою руку и прищёлкнула языком.

– Ничего не разобрать, ваше высочество... Сердце у неё доброе, ума мало, а судьба запутанная. Так что больше ничего не скажу.

Когда все отвернулись, она заговорщицки шепнула мне на ухо:

– Ты своё уже отжила, девонька.

У меня подогнулись колени, и я осела на стул. Меня подкосили не столько слова, сколько тон, которым они были сказаны. Повеяло вдруг могильным холодом, как будто я снова очутилась на кладбище.

– Зарих, твоей даме плохо! – пошутил кто-то.

Он резко повернулся ко мне, как будто не слыша общего смеха.

– Пойдём.

Мы удалились в его кабинет. Я дошла до окна с видом на дворцовый парк и, не оборачиваясь, достала из складок платья свёрток с бумагами. Я столько раз представляла себе этот момент! Я воображала, как он удивится и обрадуется! Как вздохнёт с облегчением и вдохновенно потрёт руки: «Ну, держитесь, голубчики!»

Но всё оказалось не так. Зарих развернул рулон. Он, конечно, удивился, но не обрадовался, а, скорее, испугался.

Нет, не то слово! Он был попросту потрясён.

– Что это?!

– Ваши бумаги, – сказала я упавшим голосом.

– Откуда они у тебя?!

– Неужели вам так важно, ваше высочество? Ведь главное, что они теперь у вас.

– Откуда бумаги? – спросил он сурово, и я с ужасом поняла, что он не поверит ни одному моему слову.

– Они были в кукле, – пролепетала я, пятась, потому что принц надвигался на меня, безумно сверкая глазами; я никогда его таким не видела!

– В какой, чёрт подери, кукле?

– В кукле герцогини Юлианы, – сказала я, чуть не плача. – Я ездила за ними в Тиман.

– Кто тебе сказал, что они там?

Он уже стискивал мои плечи и прижимал меня к стене; положение было безвыходное.

– Пустите! – пискнула я, но он не внял моим мольбам.

– Кто мог знать, что бумаги в кукле?! Отвечай! Кто тебе сказал?!

– Она сама! – крикнула я в отчаянии. – Сама, сама, сама!

– Врёшь, она не могла это сказать!

– Нет, могла! Пустите!

Принц не отпустил меня, но перешёл с крика на зловещий шёпот.

– Она не могла тебе это сказать потому, что она сама этого

не знает.

– Как это?

– А вот так! Зачем ты мне врёшь?

Я стала тихо сползать по стене на пол, слёзы затуманили глаза, Зариха я уже не видела.

– Но ведь если я скажу, что у меня был приступ ясновидения, вы же всё равно не поверите...

– Скорее, я поверю в это, – сказал он хмуро.

Я сидела на корточках и тихо всхлипывала, он стоял у окна, и руки у него дрожали. Это был не тот Зарих, что сидел со мной у ручья, и не тот, что укрывал меня плащом на кладбище.

– Это был сон. Мне просто очень хотелось помочь вам. Со мной и не такое бывает после того, как я упала с моста в полынью.

Он вздрогнул, как будто очнулся, подошёл, поднял меня, утёр мне нос платком и взял моё заплаканное лицо в ладони.

– Всё-всё, хватит. Прости меня, лягушонок, я тоже не железный.

– Я вас боюсь.

– Не бойся.

– Можно я пойду, ваше высочество?

– Да, иди. – Он что-то ещё хотел мне сказать, но так и не решился.

Зарих провёл меня через другую дверь, чтобы я не встречалась больше с его весёлыми гостями. Я наконец дошла до

своей комнаты. Усталость и безразличие сковали меня настолько, что я даже в зеркало не заглянула, хотя было любопытно, во что я превратилась за этот месяц. Впрочем, на что там было смотреть? Как была лягушонком, так и осталась.

* * *

Коронацию я пропустила, зато успела на свадьбу. Торжество получилось совершенно неопишное! Появление новой королевы праздновал весь город, а уж во дворце все просто пошло с ума от веселья.

Юлиана в подвенечном наряде была ослепительна. При всей моей к ней неприязни, я не могла на неё насмотреться. Во всём городе ни разу не улыбнулась, пожалуй, она одна. Её точёное лицо окаменело раз и навсегда, возле губ появилась упрямая складка. Она стала королевой, но Зариха она так и не добилась! Не всё на свете может красота, нет, не всё!

Эта мысль немного утешила меня, когда я одевалась на праздник. Карнавального костюма у меня не было, было только бледное розовое платье с оборками, оно уже полиняло от многочисленных стирок, но в темноте могло сойти за приличное. Я промыла волосы берёзовым листом и воткнула в них белую астру. Постаралась себя украсить, насколько могла, насколько вообще можно было украсить такое невзрачное существо, как я.

На меня никто не обращал внимания, но это меня ма-

ло огорчало. Я любовалась фейерверком, нарядной шумной толпой в карнавальных костюмах, гирляндами на деревьях, разукрашенными лодками в пруду, я слушала оркестр и весёлые песни, которые неслись из разных уголков сада, я даже тихо потанцевала сама с собой в такт музыке. Давно мне не было так легко и хорошо! Да и было ли вообще?

Потом я стояла на берегу, мне очень хотелось покататься на лодке, но ни одну шумную компанию я бы попросить об этом не решилась. Как раз в это время отплывали очередные лодки, там все были по парам: и звездочёты, и купцы... Только одному трубочисту пары не хватило. Его вытолкнули на берег выбирать себе даму. Он огляделся, весь чёрный, начиная от башмаков и кончая шляпой, только парик на нём был белый, обошёл всех дам на набережной и остановился возле меня.

– Не хотите покататься?

Мне с трудом верилось, что в такой толпе женщин, где одна другой лучше, кому-то взбредёт в голову остановить свой выбор на мне. Это было противоестественно. Потом я решила, что сегодня, по-видимому, день чудес.

Компания была весёлая. Под масками никто никого не узнавал, поэтому все вытворяли что вздумается и ничего не опасались. Факир играл на лютне, две разномастные кошки ему подпевали, звездочёт выкатил откуда-то из-под скамьи бочонок пива, и мы пили все по очереди из одной кружки и хохотали.

Трубочист обнимал меня так уверенно, словно я всю жизнь принадлежала только ему. Вот я и дождалась. Меня обнимали как женщину, а не как младшего братишку! Потом он поцеловал меня в ухо, я и это стерпела, только залилась краской. Потом – в шею, я отдёргнулась, как ужаленная, и только после поняла, что это было очень приятно.

– Трубочист! – засмеялся факир. – Капризную ты нашёл себе девчонку!

В отличие от меня, другие дамы целовались со своими кавалерами упоённо и без стеснения. Так было принято, они за этим сюда и сели. Кошечки с наклеенными усиками выставляли ножки в кружевных чулках, и мужские ладони поглаживали их с видимым удовольствием. Я ничего против этого не имела, я только подумала, что будет, если я выставлю свою тощую, кривую ногу, и у меня пропало всякое настроение. Я не туда попала! Не для меня все эти удовольствия.

– Отвезите меня на берег, – попросила я. – Пожалуйста!

Они высадили меня на другом берегу, где не было ничего, кроме кустов и темноты. К моему ужасу, трубочист выпрыгнул вслед за мной и оттолкнул ногой лодку.

– Плывите!

Они со смехом и глупыми напутствиями уплыли. Мои щёки так горели, что, наверное, светили в темноте, как лампы. Я растерянно пятилась, пока не впечаталась спиной в огромный дуб.

Он отвёл мне рукой волосы с лица, провёл пальцами по

шее, это было тоже приятно, но я вся сжалась в дрожащий комок и упёрлась ладонями ему в грудь, стараясь оттолкнуть. Не тут-то было!

– Отпустите, – сказала я беспомощно.

Трубочист разжал руки и даже отступил на шаг.

– Однако я не привык, чтобы меня отталкивали, – насмешливо сказал он совсем другим голосом, и я чуть не задохнулась от такого поворота событий.

– Зарих!

– Ну конечно.

Он снял маску и шляпу с париком, в темноте я почти не видела его лица, но, по-моему, он улыбался. Я отказывалась верить в то, что происходит, я ждала какой-то очередной шутки над собой.

– Вы хотите надо мной посмеяться, ваше высочество?

– Нет, я хочу перерезать тебе горло, как и всем остальным, и зарыть в землю. Вот, пожалуй, здесь... Не возражаешь?

Мне было почему-то совсем не до шуток, душа моя металась между восторгом и отчаянием, а ноющая боль в сердце мешала понимать что-либо.

– Зарежьте меня, ваше высочество, – сказала я. – Растерзайте меня, затопчите в землю... Я даже не пикну. Одной лягушкой станет меньше.

Зарих снова приблизился, взял меня за плечи и шепнул в самое ухо так, что сердце оборвалось и упало куда-то в пропасть.

– Хочешь, я буду любить тебя до утра, как самую прекрасную принцессу? Хочешь, Жанет?

– А... завтра? – задала я глупейший вопрос. – Завтра вы меня разлюбите?

– Разве может кто-нибудь в этом дворце поручиться за то, что будет завтра?

– Вы правы, зачем заглядывать так далеко! Мне так много не надо! – Спина моя до боли впивалась в шершавую дубовую кору, колени дрожали. – Я просто не могу понять... неужели я вам нравлюсь?

– Да, очень...

Не знаю, что случилось: то ли звезда моя наконец посветила на меня благосклонно, то ли Господь Бог на минуту отвернулся... Мы лежали в моей комнатушке, на узкой жёсткой кровати, прекрасный принц и маленькая прачка, и мир не рухнул, не разрушились горы, и не пересохли моря! Только сердце трепыхалось в груди, как воробушек, губы пылали и сладко ныло где-то внизу живота.

Лампа светила тускло, отражаясь в треснувшем зеркале, скрипело на ветру раскрытое окно, за окном звучала весёлая музыка, метались разноцветные огни, шумела толпа. На стуле висели моё бледно-розовое платье и чёрный костюм трубочиста, на столе рядом с букетиком астр лежали парик и маска.

– Знаешь, Жанет, я, пожалуй, уеду в свой Тарльский замок и увезу тебя с собой. И пусть они тут как хотят! Ты по-

едешь со мной?

– Конечно, поеду. Куда ты только захочешь. Но что будет тогда с Лесовией?

– Как будто кроме меня некому думать о судьбе Лесовии!

– Некому.

– Мне всё тут надоело: вся эта мразь и весь этот разврат!

В конце концов, я не король.

– Зарих...

– Ну что?

– Ведь я же не затем добывала тебе твои бумаги, чтобы ты взял и махнул на всё рукой.

Он приподнялся надо мной и посмотрел мне в лицо с тоской и безнадежностью: он сам прекрасно понимал, что нигде не уедет. От своего чувства долга он мог избавиться разве что в мечтах.

– Если б ты только знала... Ты даже представить не можешь, что здесь происходит!

Я потянулась к нему губами, но он даже не заметил.

– И всё-таки, Жанет, как ты нашла эту куклу?

– Сама не пойму... Знаешь, мне кажется, что я была служанкой у герцогини Юлианы. Наверное, я видела, как она прячет бумаги, потому что я вспомнила, что они там. Я даже знаю, что куклу зовут Стелла.

– Ты могла быть её служанкой?

– Могла. Говорят, что я год жила в Тимане у тётки.

Зарих лёг на подушку и прижал меня к себе.

– Так вот в чём дело... Боже, я ж тебя тогда чуть не убил!

– Я так испугалась! Но мне показалось, что ты сам чего-то испугался.

– Да если б ты знала!

Я тыкалась губами в его щёку и гладила его волосы.

– А мне нельзя это узнать?

– Я не хочу тебя пугать, лягушонок.

– Я и так слишком много знаю, чтобы не спать по ночам!

Зарих долго целовал меня так, словно я и правда первая красавица, а уста мои помазаны нектаром. Привыкнуть к этому было невозможно, всё отравляла одна проклятая мысль: «Я же уродина, как он может?!»

– Дело в том, Жанет, – сказал он так мрачно, что у меня сжалось сердце, – что единственный человек, который знал, где эти бумаги, умер.

– Но ты же отдал их Юлиане, – изумилась я, – а она жива!

– Это не Юлиана.

Я села. Зарих схватил меня за руку, чтобы я ненароком не вскочила и не убежала куда-нибудь.

– А кто же это?!

– Ты не дрожи, я всё-таки с тобой.

– Кто это?!

– Это моя мать в теле Юлианы.

– Как это?..

Мне вдруг стало всё пронзительно ясно. Все перевёртыши с характерами, вся эта месть после смерти.

– А настоящая Юлиана? – пробормотала я, уже догадываясь, что он ответит.

– Умерла.

И только теперь я поверила, что он любил её, только ту, настоящую, а не эту! Он любил Юлиану! Господи, могло ли быть по-другому?!

– Умерла твоя добрая королева... а до этого, как я понимаю, твоя добрая хозяйка.

– Ты хочешь сказать, что они каким-то образом поменялись телами? Разве такое возможно, Зарих?!

– А зачем я, по-твоему, искал Алигьери? Уж я бы из него вытряс, как они это сделали! Я ещё надеялся всё исправить, но опоздал.

«Ты успел только на похороны!»

– И она знала, что ты знаешь?

– Да.

Я отчётливо вспомнила их разговор в траурной зале, её холодное злорадство и её доходящую до фанатизма страсть.

– Постой, – поразила я, – но она ведь мать твоя!

– А, ты об этом! – усмехнулся Зарих. – Она меня замучила своей любовью. Она на мне помешалась! Она мне шагу ступить не даёт! Отняла у Юлианы её тело и надеется, что это ей поможет.

– Отняла ради этого?

– Не только. Она была больна и стара. А Юлиана – молода и прекрасна, и ей ничто не мешало тоже стать королевой.

Теперь Юлиана умерла, а мать снова на троне, во всей красе и блеске.

– Но это же чудовищно!

– Она и есть чудовище.

– Подожди... но она же вышла замуж за своего сына!

– Думаю, жить ему осталось недолго. Скоро его найдут с перерезанным горлом или распоротым животом. Мать любит царствовать одна. Ну что ты дрожишь? Я тебя сильно напугал? Прижмись ко мне и ни о чём не думай.

– Зарих, а когда это случилось?

– Где-то позапрошлой зимой. Я перестал узнавать мать и перестал узнавать Юлиану. Потом Корби рассказал мне, что они ездили в Безмолвный монастырь и пробыли там всю ночь. Там, я думаю, всё и произошло. У меня не было доказательств, да и сейчас нет, одни догадки. Но я говорил с матерью, она этого даже не отрицает, она смеётся мне в лицо!

– У тебя будут доказательства! Мне надо только вспомнить!

– Что ты можешь вспомнить, лягушонок?

– Я всё это видела! Я уверена, что я это видела! Поэтому меня и столкнули с моста.

Мне даже стало жарко, так я разволновалась. Я откинула край одеяла и встала на колени, ветер из раскрытого окна пахнул на меня прохладой. Зарих крепко держал меня за руку, как будто я сейчас улечу, как бумажная бабочка.

– Юлиана могла встретить меня по дороге в монастырь.

Она узнала меня и взяла с собой. И я присутствовала при этом. Я не могла догадаться, что происходит, ведь внешне всё осталось по-прежнему, но меня на всякий случай ударили по голове и сбросили в ледяную воду. Я ещё жива просто чудом! А потом, когда Юлиана приехала в приют, помнишь? Я-то думала, что это королева, а она сразу меня узнала! Она смотрела на меня как безумная, не верила, что я осталась жива... Теперь понимаешь, почему она меня так любила и оберегала от всего?

– Да, она была добрая девушка.

Сердце вдруг резко сжалось от непереносимой ревности, такой внезапной и такой неуправляемой! Он её любит! Он её любит до сих пор! Она прекрасная и незабываемая! А я, противная, рыжая обезьянка, – просто случайная нелепость на его пути!

В ушах зазвенело. Я вдруг увидела себя во всей своей наготе и нескладности, мне стало стыдно, я легла и дрожащими руками натянула на себя одеяло. Дура! И вправду возомнила себя принцессой!

Зарих попытался меня обнять, но я лежала как каменная статуя и ничего не могла с собой поделать.

– Что с тобой, лягушонок?

– Скоро утро, – сказала я. – Вам пора, ваше высочество.

Король Антуан заболел какой-то странной лихорадкой через три дня. Ещё через неделю он скончался. Он правил страной чуть больше месяца.

Королева Юлиана не выказала большой скорби по поводу его смерти, ни единой слезы не скатилось с её прекрасного и жестокого лица. Впрочем, лицо её не дрогнуло и тогда, когда войско белогорского короля перешло границу её северных владений: она жила и правила как перед концом света!

Когда началась война, я перестала видеть Зариха совсем: ему стало не до меня. Иногда, стремительно проходя мимо в толпе озабоченных вельмож, он успевал похлопать меня по плечу, но на том наши свидания и кончались.

Лесли тоже пропал, я нигде не могла его найти и тоскливо слонялась по мокрому серому городу. Лето кончилось, стоял сентябрь.

Иногда мне казалось, что всё это был только сон: летняя тёплая ночь, карнавал, разукрашенные лодки, трубочист в белом парике... «Хочешь, я буду любить тебя до утра, как самую прекрасную принцессу?» – «А завтра вы меня разлюбите?» – «Разве может кто-нибудь в этом дворце поручиться за то, что будет завтра?»

Назавтра умер король, и к власти пришёл тиманский клан. Все родственники королевы Юлианы заполонили дворец и

чувствовали себя здесь как дома. Зарих с трудом переносил такую перемену власти. Принцем он больше не был, и с ним считались только потому, что за его спиной стояли герцоги Тифонский и Тарльский и вся могучая династия баронов Оорлов.

Потом началась война, к которой Лесовия была совсем не готова: войско собиралось медленно, не хватало ни оружия, ни провианта, а на юге Триморье уже полностью подчинило себе Лимур и наступало на Алонс.

В связи с новыми порядками меня выселили из моей комнаты во флигель для прислуги и предупредили, что если я не намерена работать на кухне, меня вообще выгонят из дворца. Уезжать из дворца я не хотела, поэтому согласилась на всё.

В комнате, где меня поселили, были ещё три девушки: Гретта, Симона и Этель. Гретта и Симона тоже работали на кухне, а Этель была горничной у королевы. Она была из нас четырёх самая хорошенькая и ухоженная, её бледное, сонное личико, припудренное и обрамлённое светлыми локонами, частенько смотрело на нас, простых кухарок, свысока. Гретта была рослая румяная хохотушка, а Симона – серьёзная и тихая смуглая девушка, под подушкой у неё всегда лежал молитвенник. Я смотрела на них, сидя на своей узкой кровати, слушая, как барабанит дождь в стекло, вдыхая запах отсыревших простыней и подушек, и думала, что жизнь кончена...

Я отвыкла от трудной работы, успела забыть, что такое работать не покладая рук. Котлы были тяжёлые, ножи – тупые, вода – ледяная настолько, что немели пальцы; глаза слипались от пота и слезились от дыма. Гретта меня подбадривала и даже помогала перетаскивать тяжёлые кастрюли. Я всё время вспоминала Лили, и мне хотелось плакать.

Вечером, едва добравшись до своей кровати, я падала на неё и засыпала – не столько от усталости, сколько оттого, что мне просто не хотелось бодрствовать в этом мире. А сон – это почти как смерть, только со сновидениями.

– Экая ты дохленькая, – говорила Гретта, – и глаза всё время на мокром месте.

Я отворачивалась носом к стенке и натягивала на себя одеяло. Оно было колючее и пахло козлом.

– Привыкну.

Как-то утром мы пришли на кухню, разошлись по своим местам и закатали рукава. Мне досталась телячья нога, но я вдруг поняла, что не могу смотреть на мясо. И на рыбу. И вообще на еду! Меня затошнило как-то сразу и навсегда. И без того безрадостный мир стал просто невыносимым. Тогда я села куда-то на ведро у стены, и мысль у меня была только одна: вытошнит меня или нет, и если да, то куда.

Гретта и Симона подошли ко мне почти одновременно.

– Жанет, ты что? Что с тобой?

– Тошнит, – сказала я безразличным тоном.

Набожная Симона ахнула, а Гретта покачала головой.

– Допрыгалась?

– Как здесь пахнет невыносимо, – сказала я, морщась. – Как вы это терпите?

– Иди, иди, полежи, может, полегче будет.

Я встала как во сне и направилась к дверям. Почему-то всё, абсолютно всё стало безразлично, словно я уже рассталась со своим несчастным телом и наблюдала за ним со стороны.

– Ты куда? – Старший повар преградил мне дорогу, я тупо смотрела на его толстое красное лицо.

– Пропустите меня.

– Я спрашиваю: куда это ты направилась?

– К чёрту! – рывкнула я и отпихнула его с неожиданной для себя силой.

– Я тебя выгоню! – орал он мне вслед.

– Выгоняйте!

В коридоре мне стало немного легче. Я прислонилась к холодной стене и безрадостно размышляла.

У меня будет ребёнок. Зарих скоро уезжает и никогда не узнает об этом, потому что эта военная кампания может продлиться несколько лет. У меня больше нет денег. Я не могу работать на кухне. Жить мне негде. Там, в моей бывшей комнате, на дне вазы, которую мне подарила моя добрая королева, лежит несколько монет, мне хватило бы их на первые три месяца.

Этель надевала перед зеркалом накрахмаленный перед-

ник и чепчик. К мытью полов она готовилась как к именинам.

– Ты знаешь комнату, где я жила при прежней королеве?

Она посмотрела на меня сонным личиком и долго соображала, о чём же это я её спросила.

– А! Знаю, конечно.

– Там живёт кто-нибудь?

– Там сейчас парики и туфли. И пылица.

– А вазы там нет? Голубой с золотой вязью?

– Вазы?

Этель так медленно соображала, что мне хотелось её убить!

– А! Королева Юлиана сказала, что это её любимая ваза, и забрала к себе в спальню.

– Послушай, – я подошла к ней вплотную, – давай я схожу сегодня помыть полы вместо тебя?

– Ты спятила?

– Я пойду вместо тебя.

По-моему, я была ужасна в своей решимости, потому что сонная Этель испуганно попятилась от меня, развязала фартук и протянула мне.

– На.

Я натянула чепчик на самые уши и прихватила ведро и тряпку.

В спальне королевы Юлианы было пусто. Я добросовестно возила тряпкой по полу, подбираясь к тому месту, где стояла на трюмо моя ваза. «Это не воровство, – говорила я себе, – это мои деньги, если они там ещё лежат!» Я так волновалась, что даже тошноты не замечала. «А если их там нет? Идти на поклон к матери? Или, может, рассказать Зариху? Ну уж нет! Нужен ему твой ребёнок! Он о тебе и думать забыл, уродина несчастная! Разве он упомнит всех своих служанок? Он любил тебя до утра, как принцессу, а большего он и не обещал!»

Шаги послышались внезапно: порывистый и звонкий стук каблучков о паркет. Я едва успела отскочить за выступ камина, мне никак нельзя было сталкиваться с королевой, которая меня сразу узнает.

Она упала на кровать. Сразу, с разбегу. И зарыдала! Она каталась по кровати и выла, как раненая тигрица, эта прекрасная беспощадная королева. Её медные волосы метались по подушке, как всполохи огня, тело страстно выгибалось, руки хватали и комкали одеяло. Ей было чудовищно плохо, и на какую-то минуту мне стало её даже жаль, но потом я вспомнила Лили, Корби, Молли Моури, настоящую Юлиану, наконец, себя, сброшенную с моста, и всё во мне восстало против этой женщины. Она заслужила свои мучения.

Пока она выла и кусала подушку, мне удалось прошмыгнуть к окну за занавеску. Правда, ведро стояло на самом видном месте, но ей было не до ведра!

Потом вошёл слуга и сказал, что её хочет видеть Зарих. Она мгновенно взяла себя в руки и села.

– Пусть подождёт пять минут!

От слёз не осталось и следа. Королева стремительно пробежала к зеркалу, схватила пудреницу, потом румяна... потом кинулась к шкафу, сбросила с себя всё и надела роскошный шёлковый халат, отороченный лисьим мехом. Как же она хотела ему нравиться!

Когда он вошёл, эта лже-Юлиана лениво возлежала на своём пышном ложе, словно только что проснулась. Халат небрежно спадал со смуглого точёного плеча, волосы ниспадали на другое плечо в ослепительном беспорядке.

Зарих на эту красоту внимания не обратил. Он был хмур и озабочен.

– Моя венценосная мать, кажется, проснулась?

– Мой прекрасный сын, кажется, соизволил меня навестить?

Она протянула ему руку для поцелуя, но он только усмехнулся и не двинулся с места.

– Зачем пришёл? – спросила она, нахмурившись.

Зарих протянул ей лист бумаги:

– Подпиши.

– Что это?

– Условия барона Оорла.

Королева быстро прочла и покачала головой:

– Он слишком много хочет!

– Да. Но без него мы белогорцев не одолеем. И он это знает.

– Всё равно это слишком много! Он хочет отобрать у меня почти полкоролевства, твой барон!

– Если ты не подпишешь, ты потеряешь всё королевство. Главное – победить, а с бароном я потом разберусь. Подписывай.

Она свернула бумагу в трубочку и протянула Зариху назад.

– Нет, мой дорогой, так дела не делаются.

– Это как понимать?

– Это так понимать, – она засмеялась короткими смешками, – что сейчас ты наконец сделаешь то, что я хочу. Потому что ты никуда не денешься без этой бумажки! И я не подпишу её до тех пор, пока своего не добьюсь!

– Опомнись, несчастная, – усмехнулся Зарих. – Если я сейчас плюну и уйду, ни тебе, ни твоей стране не продержаться больше двух месяцев.

– Ты не уйдёшь, – сказала она, – никуда ты не уйдёшь. Я наконец нашла твоё слабое место, мой прекрасный сын. Ты не плюнешь на свою дорогую Лесовию.

Я думала, его сейчас затрясёт от злости, но он только тяжело вздохнул.

– Как я от тебя устал!

– Ты же такой искусный политик, Зарих! – насмехалась она. – Ты прекрасно знаешь, как добываются нужные бумаги... Вон их у тебя сколько! А чем я хуже какой-то триморской принцессы? Или дочери этого купца... как её? Кажется, Матильда? А перекупать слуг и делать из них шпионов, по-твоему, более нравственно, чем уступить женщине?

– Твоя осведомлённость о моих делах безгранична.

– Ну так и не строй из себя святошу!

Потом я не поверила собственным ушам.

– Ладно, мне некогда с тобой препираться, – спокойно сказал Зарих и расстегнул камзол.

Королева, похоже, тоже не ожидала, что он так запросто согласится. Она на время потеряла дар речи и только поворачивала вслед за ним голову. Зарих снял рубашку, потом невозмутимо вытащил королеву из халата и опрокинул на подушки.

– Красивое у тебя тело. Я красивей не видел. Сколько ты заплатила за него?

Она только застонала, не то от тоски, не то от удовольствия. Я надеялась, что он будет с ней груб и насмешлив, но он был добросовестно ласков, эта похотливая мартовская кошка получила от него сполна! Я затыкала уши от её грудных, похожих на звериный вой криков и жмурилась от тошноты! Лучше б меня сожгли на медленном огне!

– Всё равно ты мой, – бормотала она, ползая по нему и

покрывая всё его тело беспорядочными жадными поцелуями. – Я не позволю, чтобы другая женщина приблизилась к тебе! Ты весь мой, я родила тебя и никому не отдам! Скажи, любил тебя кто-нибудь так, как я? Заботился о тебе кто-нибудь так, как я? Ни одна женщина не сделает для тебя столько, сколько я! Скажи, чего ты хочешь? Только скажи! Чего?

– Верни мне Юлиану.

Королева отскочила как ошпаренная, сначала замахнулась, чтоб ударить его, потом эту же руку сунула себе в рот и прикусила. Зарих сел и начал медленно одеваться. Она не шевелилась, так и сидела, как статуя из золотистого дерева, и следила за ним.

Он протянул ей бумагу и перо.

– Подписывай.

Она подписала безропотно, а потом, когда за ним закрылась дверь, ходила по спальне, тихо всхлипывая и подвывая, словно побитая собака.

Выбраться мне удалось, когда она ушла в другую комнату. Забыв и про вазу, и про деньги, и про ведро с тряпкой, я выскочила в коридор, потом во двор, потом во дворцовый парк, за пруд, к тому огромному дубу, теперь уже жёлтому и почти облетевшему, где он обещал любить меня, как принцессу.

* * *

Из кухни меня выгнали, из комнаты – тоже. Меня при-

ютила в своей каморке в подвале старая кухарка Гертруда. Я жила там нелегально и почти не выходила. Живот пока не рос, зато тошнило беспрерывно. Ничего другого, как лежать и смотреть в закопчённый потолок, просто не хотелось. Еда в рот не лезла, даже фрукты, которые Гретта и Симона приносили мне с кухни. Этель ко мне не приходила, она не могла простить мне ведро, которое я забыла в королевской спальне и за которое ей влетело.

– Молись почаще, – наставляла меня Симона, – молись, и Бог простит!

Я молилась какое-то время, потом устала. Ребёнка своего я почему-то уже любила, хотя и догадывалась, что рожу такого же маленького уродика, как я. В то, что он будет похож на Зариха, я не верила, как и не верила в его счастливую судьбу. Мне уже заранее было его нестерпимо жалко.

Когда я узнала, что завтра Зарих уезжает, у меня даже ничто не дрогнуло внутри. Сердце моё окаменело от обиды. Оно стало холодным и тяжёлым, носить его в груди было тяжело, но слёзы меня больше не душили и горло спазмами не сводило. Уезжает, значит, уезжает.

Мы сидели с Греттой и Симоной на кровати, Гертруда возилась с маленькой печуркой и ворчала на сырые дрова. Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял Зарих.

Мои подруги повскакали с мест, старая Гертруда, кряхтя, отвесила низкий поклон, только я продолжала сидеть как деревянная кукла и кусать губы. На камзоле у него не хватало

двух перламутровых пуговиц, кружевной воротник возле застёжки начал отрываться, за причёской своей он тоже перестал следить, и кудри его отросли почти до плеч, но от этого он стал только прекраснее.

Никого, кроме меня, Зарих даже не заметил.

– Это здесь ты теперь живёшь?

Я молчала. Он огляделся по сторонам.

– У тебя вещи есть?

Я молчала как мумия.

– Какие там вещи, – вмешалась Гертруда. – Она всё продала.

– Тем лучше, – спокойно сказал Зарих. – Идём.

Я молча встала и молча вышла; ни радости не было, ни облегчения – одна всепоглощающая обида. Мы шли бесконечными коридорами, в глазах рябило от факелов, развешанных по стенам, и стук шагов гулко отзывался под потолком.

У себя в кабинете Зарих усадил меня в кресло и положил передо мной на заваленный бумагами стол туго набитый кошёлёк.

– Здесь пять тысяч. Купишь дом, наймёшь прислугу. На год хватит, а потом я приеду. Ну? Что ты молчишь? Что случилось?

Действительно, что случилось? Ну забыл на два месяца, что за беда! Что я понимаю в его государственных делах!

– Жанет, скажи что-нибудь. Ты слышишь меня?

Я его слушала и не слышала. Обида застила мне глаза и

затыкала ватой уши, лимонной кислотой сводила челюсти и тисками сдавливала горло. Я молчала.

Зарих долго всматривался в меня, потом нервно заходил из угла в угол.

– Ну знаешь, это уж слишком! Опомнись, война на дворе! Мне только и забот, что разыскивать тебя по всем подвалам...

Я смотрела на него исподлобья, как маленький упрямый ослик.

– Не молчи, я тебя прошу, мне и так тошно.

Он говорил со мной как со служанкой. Со служанкой, которой барским жестом бросил пять тысяч золотом. Если бы тут сидела его ненаглядная Юлиана, он не метал бы в её сторону недовольные, хмурые взгляды, а давно сидел бы у неё в ногах, как преданный пёс!

Я молча встала, чтоб уйти. Не знаю, что мною двигало, какая-то слепая тёмная сила, не иначе. Он поймал меня на полпути и властно развернул к себе лицом:

– Ты что, уходишь?!

– Отпустите, – сказала я наконец не своим, равнодушным каким-то голосом.

– Не выдумывай!

Зарих держал меня крепко и целовал, как самый пылкий любовник, но меня уже ничто не могло разбудить, губы мои были холодны, кожа не горела, и сердце радостно не падало в бездонную пропасть. Я стала как бревно, и ни один мускул

в моём теле не отозвался на его прикосновения. Скорее я сдвинула бы огромный мельничный жёрнов, чем избавилась от своей всеподавляющей обиды, которая была сильнее разума, сильнее страха, сильнее тщеславия и сильнее любви!

Обида! Страшная чёрная птица с острым клювом и цепкими когтями! Ничего мне уже не надо, я ни во что не верю, Зарих, ты слишком долго не приходил! Ты и сейчас меня не любишь, тебе меня просто жаль. Да пусть я потом погибну и мой ребёнок погибнет вместе со мной, пусть я буду потом выть и кусать локти, но хоть раз в жизни хлопнуть дверью!

– Пусти! Ничего же не получится! Ничего!

Он уже понял. Он отпустил.

– И деньги мне твои не нужны, – сказала я дрожащим голосом, – обойдусь как-нибудь.

– Та-ак, – усмехнулся он, – кажется, прекрасная дама меня отвергла?

– А ты не веришь, что такое может быть?

– Не сходи с ума, Жанет. Ты будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Ты ведёшь себя как триморская царица.

Он провожал меня усталым и насмешливым взглядом. Он не принимал меня всерьёз: ни мою обиду, ни мою любовь, ни мою гордость.

– Иди, бог с тобой.

В темноте коридора я опомнилась, меня как будто завернули в холодную мокрую простыню. «Что же я наделала?!» Впрочем, возвращаться назад было уже ни к чему. «Вот и

всё, вот и всё...» – стучало у меня в голове в такт шагам. Других мыслей не было.

Гертруда только покачала головой, когда я вошла, но ни о чём не спросила. Я долго, почти всю ночь, лежала без сна, крутилась на жёсткой кровати и мяла подушку. Проснулась потом поздно и каким-то шестым чувством поняла, что За-рих уже далеко. Его нет и больше не будет или меня не будет. В любом случае мы с ним больше никогда не встретимся.

– Встала?

Гертруда сидела за столом и штопала чулок. Перед ней в медном бидоне стоял огромный букет роз, запах от них до-ходил даже до моего тёмного угла.

– Откуда это?!

– Это тебе.

– Мне?

– И кошелёк тебе. Я уже дала Гретте один дорлин, чтобы молока купила и сметаны.

Я подошла босиком, наклонилась над букетом, проклиная себя, бестолковую заносчивую дуру, ненавидя себя и прези-рая. Неужели так трудно было просто улыбнуться и обнять его? И любить его, ничего взамен не требуя, и сказать, что я буду ждать его, куда бы и насколько бы он ни уехал!

Розы от моего дыхания очень быстро превратились в жал-кий засохший веник. Такое уже было однажды.

– Я проклята Богом, – сказала я обмершей от испуга Гер-труде. – Даже цветы меня не выносят...

В окне у Лесли тускло горел свет. Я осторожно поднялась к нему на чердак и постучала.

– Открыто, – крикнул он, как всегда.

Я его не видела сто лет! Я прижималась к нему и цеплялась за него руками, как утопающий за последнюю соломинку. Обними меня, Лесли! Как хочешь: как младшего брата, как собаку, как любую божью тварь! Только обними меня, только погладь меня и пожалей, только сними этот непосильный камень с моего сердца!

– Где ты был, Лесли? Где ты был так долго?

– О! Да тебе совсем плохо!

– Ну где ты был?!

– Да везде... Садись, успокойся... Чай будешь?

Я сбивчиво и беспорядочно рассказала ему то, что узнала когда-то от Зариха, и то, какие сама из этого сделала выводы. Лесли слушал внимательно, не перебивал, только хмурился всё больше и подливал мне в чашку кипятка.

– А розы опять завяли, – закончила я, – как в тот раз. Странно, правда?

– Это он тебе прислал?

Я почувствовала, что краснею.

– Мне кажется, да. Кошелёк-то его.

– Он тебя любит, значит, розы прислал настоящие, – спо-

койно рассуждал Лесли. — А это значит, дело в тебе, моя радость.

— Он меня не любит, — вставила я, но Лесли не собирался обсуждать эту тему, совсем ему неинтересную.

— Так, говоришь, ты была всему свидетелем?

— Конечно. Поэтому меня и хотели убить.

— Ты видела, как королева и герцогиня Юлиана поехали в Безмолвный монастырь и обменялись там своим обличем?

— Да. Иногда мне кажется, что я даже вспоминаю, как они сидели. Королева — справа, а Юлиана — слева. Уверяю тебя, так оно и было. Королева жива! У неё тело Юлианы, но она называет Зариха своим сыном и даже не скрывает этого.

— Всё равно много непонятного, — сказал Лесли с сомнением.

— Что, например?

— Например, почему Юлиана, пусть даже в облике королевы, не сказала Зариху, где его бумаги?

— Она всё время чего-то боялась.

— Кого? Чего? Объясни мне, чем можно запугать человека, сидящего на троне, смертельно больного, которому жить осталось чуть больше года?

— Значит... она не за себя боялась.

— А за кого?

— Не знаю.

Я видела, как Лесли морщит лоб и сдавливают виски пальцами.

– А я, кажется, понял.

Я ждала, что он объяснит мне наконец, в чём дело, но он молчал.

– Лесли! – взмолилась я. – Ну что ты меня мучаешь?

– Тебе лучше этого не знать, – сказал он мрачно.

– Как это?! – Я даже вскочила от возмущения. – Я тебе всё-всё рассказываю, как на исповеди, а ты не хочешь мне сказать самое главное?! Лесли, скажи сейчас же, за кого она так боялась?

Он посмотрел мне в глаза:

– За меня.

– При чём тут ты? – неприятно удивилась я; чего мне совсем не хотелось – так это чтобы тут был замешан Лесли.

Мой друг был непохож на себя, так он был серьёзен.

– Слушай по порядку. Так вот, прошлым летом меня вежливо пригласили в живописный особняк за городом. Я люблю приключения и, конечно, пошёл. Там меня встретила очень красивая, богато одетая женщина...

– Не герцогиня Юлиана, случайно?

– Нет. К той меня приволокли силой. А эта меня пригласила.

– Нравишься же ты знатым дамам!

– Ты потом убедишься, что это не совсем так.

– И что дальше?

– Она спросила, нравится ли она мне и не соглашусь ли я остаться с ней до утра.

– И ты, конечно, согласился!

– Конечно. Мы виделись потом ещё раз пять. Потом она исчезла. Ты уже догадалась, что это была королева?

– Поздравляю, Лесли, – сказала я хмуро, – тебе тоже перепало от господской милости.

– Нет, – сказал он спокойно, – она просто меня любила.

– Да Зариха она любила! Это была Юлиана!

– Я ещё в состоянии отличить женщину, которая меня любит, от искательницы приключений. И не перебивай меня, Жано, я ещё не всё сказал.

Я съёжилась и слушала уже весьма недоверчиво.

– Когда ты мне рассказала про свою королеву, я понял, что меня это тоже касается, и решил сам во всём разобраться. Я не могу её забыть до сих пор, если хочешь знать. Меня никто так не любил, как она.

– А ты?

– Опять ты меня перебиваешь?

– Всё, молчу...

– Ты спрашиваешь, где я был всё это время? Я был в Тимане, у твоей тётки. Так вот, я могу тебе со всей определённо-стью заявить, что ты никогда не была служанкой у герцогини Тиманской.

– Лесли!

– Твоя тётка сказала, что её племянница даже близко не подходила к окрестностям родового замка. Вот так.

Он посмотрел на меня выразительно и замолчал.

– Не мучь меня, Лесли, что всё это значит?

– Это значит, что ты – Юлиана, герцогиня Тиманская и законная королева Лесовии.

– Не шути так, – прошептала я. – Не шути так, ради бога!

– Мне не до шуток, детка. Вспомни, ты сама говорила, что вас там было три: Мария-Виктория, Юлиана и прачка Жанет.

– Тогда зачем нужна была прачка?

– Как зачем? Её же предстояло посадить на трон! Она должна была быть кроткой и покорной королевой, ничего не знающей и не умеющей. И полностью зависящей от Марии-Виктории. Насколько я понял, так оно и получилось. А Юлиану просто скинули с моста, чтобы не мешала. Но перевёртыши живучи! Правда, розы от их присутствия вянут, зато ни мороз их не берёт, ни жара! Другой бы сто раз отдал концы на твоём месте, а ты жива. Прачка тоже прожила слишком долго, гораздо дольше, чем настоящая королева рассчитывала, потому и отравила её, когда терпение лопнуло.

– Лесли, ты даже не представляешь, какие ужасы ты говоришь!

– Это ещё не всё. Представь себе, что эта бедная, несчастная прачка однажды увидела тебя, как ей казалось, умершую, да ещё в своём прежнем обличье! Она была добрая девушка, ей стало тебя жаль, она забрала тебя с собой и стала оберегать от Марии-Виктории, которая частенько наведывалась во дворец. По счастью или по несчастью, ты потеряла

память и стала совсем неопасной. Мария-Виктория просто плюнула на тебя и оставила в покое, а может, ей даже доставляло удовольствие видеть тебя в таком унижении.

– Да, наверное.

– Слава богу, что она не видела тебя с Зарихом! Тогда бы от тебя и мокрого места не осталось. Впрочем, тут не Бога надо благодарить, а Зариха.

– Он уехал, – сказала я севшим голосом. – Как его теперь отблагодаришь?

Чай остыл. Мы сидели за столом, опустив головы. Каждый думал о своём, и мысли были невесёлые.

– Лесли, – сказала я потом, стискивая кулаки, – я хочу быть королевой.

– Тогда вспомни, – ответил он, словно только и ждал от меня этих слов, – как всё было и кто это делал.

– Я вспомню.

* * *

Безмолвный монастырь больше походил на развалины. Говорили, что когда-то на этом богом проклятом месте жили монахи, предававшиеся порочным страстям. Однажды земля содрогнулась под ними, и ни один не вышел живым из развалин. Теперь вокруг были сплошные болота и топи, порядочные люди обходили это место стороной, только нищие да прокажённые забредали сюда спрятаться от дождя да чёр-

ные колдуны вершили здесь свои грязные дела.

Место было жуткое. Я добралась до монастыря уже в сумерках, по дороге мне казалось, что за мной кто-то крадётся, но когда я оборачивалась, то ничего не видела, кроме жёлтого болотного тумана. В самых топких местах между кочек были брошены доски и сухие берёзовые стволы – не все ещё люди боялись чертовщины и Божьего гнева. Это придавало мне сил.

Я была уверена, что когда увижу место колдовства, то всё вспомню. Ради этого я сюда и шла.

Монастырь был пуст, стены его покрыты плесенью, башни почти разрушены, мебель переломана, дворы поросли бурьяном и лопухами. Я обошла почти всё, но нигде сердце моё не дрогнуло и не подсказало мне: «Вот это место!» Были комнаты с кроватями и стульями, были помещения с длинными столами и скамейками, были совсем крохотные кельи. Но где же это было? Где?!

Уже внизу, в подвале, мне показалось, что я что-то узнаю. Низкий потолок, подпёртый колоннами, широкий стол, деревянные кресла: одно справа, другое слева, третье у стены. Жаль, что так быстро темнеет!

За спиной у меня посыпались мелкие камни. Я вздрогнула и обернулась. В проёме двери кто-то стоял.

– Ну что, нашла?

Этот ядовитый голос я узнала бы из тысячи! Она прокричала мне все уши, когда каталась с Зарихом по кровати! Ме-

ня сковал ужас, мне показалось, что вместе с запахом пыли и плесени на меня пахнуло зловещим дыханием смерти.

Ещё вчера я бы так не испугалась, но сейчас мне слишком хотелось жить! Мне очень нужно было остаться живой! Я металась по этой каменной клетке недолго, уже через минуту королева держала меня за волосы и приставляла к моему горлу холодное остриё ножа: так она разделялась почти со всеми своими жертвами, мне предстояло испытать это на себе.

– Вот теперь поговорим, – усмехнулась она.

Я уже закрыла глаза и проклинала себя за то, что не позвала с собой Лесли. Эта ведьма так крепко и больно вцепилась мне в волосы, что я даже пошевелиться не могла.

– Зачем ты ходила к Зариху? Что ему от тебя нужно? Он узнал, кто ты?

– Нет.

– Тем лучше! Что ему от тебя нужно?

– Он меня любит.

– Врёшь! Маленькая дрянь! Этого не может быть!

Я поняла, что умру в любом случае, и мне хотелось хотя бы на словах отомстить ей перед смертью.

– Ты лягушка! – шипела она. – Жалкая, мерзкая лягушка! Я такую долго для тебя выбирала. Он к тебе даже не прикоснётся! Ты уродина, уродина, уродина...

– Он любил меня, как самую прекрасную принцессу, – сказала я, задыхаясь от боли. – А теперь у меня будет ребё-

нок!

– Ты врѣшь! – рывкнула она, отпустила мои волосы, припёрла меня к стене и грубо смяла рукой мой слегка вздутый живот. – Это где, это здесь твоё отродье?!

Мои слова так её потрясли, что нож ослаб в её руке, я рванулась, ударила её ногой по голени и бросилась к чёрному проёму двери. Она со звериным рёвом кинулась за мной.

Это была ужасная погоня: я металась от неё по всем лестницам и коридорам, выпрыгивала в окна и пряталась за дверями... Королева была слепа в своей ярости, но настойчива, а мне очень хотелось выжить!

Я уже не соображала, где нахожусь и куда бегу; она дышала мне в спину, а я удидала от неё вверх по винтовой лестнице. Ноги налились свинцом, а сердце стучало уже не в груди, а где-то под горлом. Это длилось бесконечно! Потом я вдруг обнаружила, что стою на узком пяточке разрушенной сторожевой башни: сверху было небо, а внизу – пропасть. Бежать было некуда.

Королева, шумно дыша, преодолела последние ступени. Ножа у неё уже не было, но она так ненавидела меня, что убила бы голыми руками. Я тоже её ненавидела!

Мы вцепились друг в друга из последних сил; две маленькие и хрупкие женщины, мы превратились в двух диких волчиц, рычали, кусались и царапались! Потом я поняла, что я слабее, что сил моих больше нет сопротивляться её беспощадным ударам. Она била меня ногами по животу, а потом

головой о камни, пока вечный мрак не накрыл меня и не избавил от этих мучений.

* * *

Я долго не могла понять, почему у меня так всё болит, словно по мне проехала телега, гружённая кирпичом! Почему так темно и холодно? И наконец, почему я лежу в этой вязкой вонючей жиже и не в состоянии пошевелить даже пальцем? Что со мной?

Наверное, мы на охоте! Я упала с лошади и запуталась в этом болоте, а противный Якоб даже не спохватился, что меня нет! А ещё говорит, что любит меня! И где мой брат Анджилио? Почему меня все бросили?!

Я попыталась приподняться и застонала от боли. Болотная кочка снова стала моей подушкой. В небе горели холодные осенние звёзды. «Скоро из-за леса выплывет Телец, у него огненный рыжий глаз, это звезда Альдебаран. А летом его не видно...»

Я нашла звезду Альдебаран и снова обессиленно закрыла глаза. Что со мной? Где я? И кто мне это говорил: Телец, Альдебаран...

Воспоминания мои были обрывочны и походили на бред тяжелобольного. Я видела себя то маленьким ребёнком, то взрослой девушкой, то дома, то в столице...

Моя кукла! Моя любимая кукла Стелла! Странно, поче-

му она мне вдруг вспомнилась? Наверное, потому, что перед смертью человек вспоминает детство? Неужели я умру? Вот так глупо и непонятно, в этом болоте? Я! Юлиана Тиманская?! Мне нельзя умирать, я знаю очень важную тайну... В моей кукле спрятаны государственные документы, я должна вернуть их Зариху...

«В отличие от всех вас, меня всё-таки заботит судьба Лесовии, и я был за границей не для того, чтоб шляться по кабакам». – «И ты никому не доверяешь?» – «Это не дворец, Юлиана, это скопище шпионов и казнокрадов. У меня нет сил с ними бороться, поэтому я их просто избегаю». – «Хочешь, я спрячу твои бумаги так, что ни одна душа не догадается?» – «Я тебя за этим и пригласил». – «А почему ты решил, что мне можно довериться?» – «Это в твоих интересах. Ты невеста моего брата, он скоро станет королём, потому что мать серьёзно больна и долго не протянет при такой жизни. Я доверяю тебе как будущей королеве Лесовии».

Я тогда немного обиделась на Зариху за эти слова. Мы не были даже друзьями. Он всегда соблюдал дистанцию: я невеста его брата и будущая королева, и всё тут. Он почти не смотрел в мою сторону, только почтительно и слегка иронично здоровался при встрече.

Я отправилась навестить отца и уже через десять дней вернулась в Трир с чувством выполненного долга. После ужина я подошла к Зариху и с тихой радостью сказала:

– Я их спрятала!

– Ты прелесть, – ответил он тогда и сразу отошёл.

Я была довольно легкомысленной особой и считала, что вполне можно выйти замуж за одного, а любовником иметь другого, и, если бы Зарих не оказался таким недотрогой, я была бы всем довольна. Очень скоро я убедилась, что мой брак с Антуаном для него – непреодолимая стена. И тогда мне совершенно расхотелось выходить замуж за Антуана.

Впрочем, меня никто не спрашивал. Королева была довольна, отец – просто счастлив, а мой будущий муж совсем замучил меня своими ухаживаниями. Из этих пут вырваться было почти невозможно. Я была обречена стать общепринято счастливой.

Зарих редко приходил на наши праздники и пирушки, он был убийственно деловит для своих лет. Он смеялся не столько с нами, сколько над нами и всё время отвлекался, чтобы выслушать очередного своего порученца. Дам он не тискал, вина пил мало, да и обжорством не страдал. И вообще нормальных человеческих слабостей у него, похоже, не было. Это иногда просто бесило!

Я, как маленькая девочка, помнила наизусть все наши встречи и считала, сколько раз он на меня посмотрел. Я до изнурения перебирала в памяти, как он подал мне руку, как поднял мою булавку, как ответил мне, как обернулся...

Один раз мы сидели с ним на бортике фонтана, жара была невозможная, мы ловили прохладные струи, обмывали лицо и руки и смеялись. У меня потекла сурьма с ресниц, и он

осторожно вытер мне глаза батистовым платком.

– Ну вот, теперь всё в порядке!

Мы долго смотрели друг на друга, но я ничего не могла прочесть в его взгляде, кроме весёлой иронии.

– Зарих, – спросила я, – почему ты избегаешь женщин?

– Я их жалею, – ответил он, как-то сразу помрачнев.

– Почему? – удивилась я.

– Потому что ни одна женщина, которая была со мной, не осталась в живых.

– Ты что, заговорённый?

– Нет. Это моя мать проявляет так свою ко мне любовь. Ты разве не слышала, что тут, случается, находят женщин с перерезанным горлом?

– Какой ужас, неужели это правда?

– Да, это её любимый способ. Впрочем, для тебя она может придумать что-нибудь похуже.

Я вспыхнула.

– Ты так говоришь, как будто я уже лежу у тебя в постели!

– Надеюсь, этого не случится, – сказал он жёстко.

– Ну, знаешь!..

Горло у меня болело, я с трудом согнула руку и дотронулась до него окоченевшими пальцами. Рана была небольшая, со спёкшейся кровью, но болела сильно. «Неужели...» – подумала я и наконец всё вспомнила. Всё, что со мной было. Разом!

«Для тебя она придумает что-нибудь похуже...»

Ты оказался прав, Зарих! Для меня она такое придумала, что и представить невозможно!

От злой и упрямой мысли, что надо жить, я сразу нашла в себе силы сесть, а потом и поползти до стены. Да, перевёртыши живучи! Королева, наверное, думала, что я упала на камни, а я свалилась в болото. Меня не так просто уничтожить! Я ещё поборюсь за луч света в этом мире!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.